

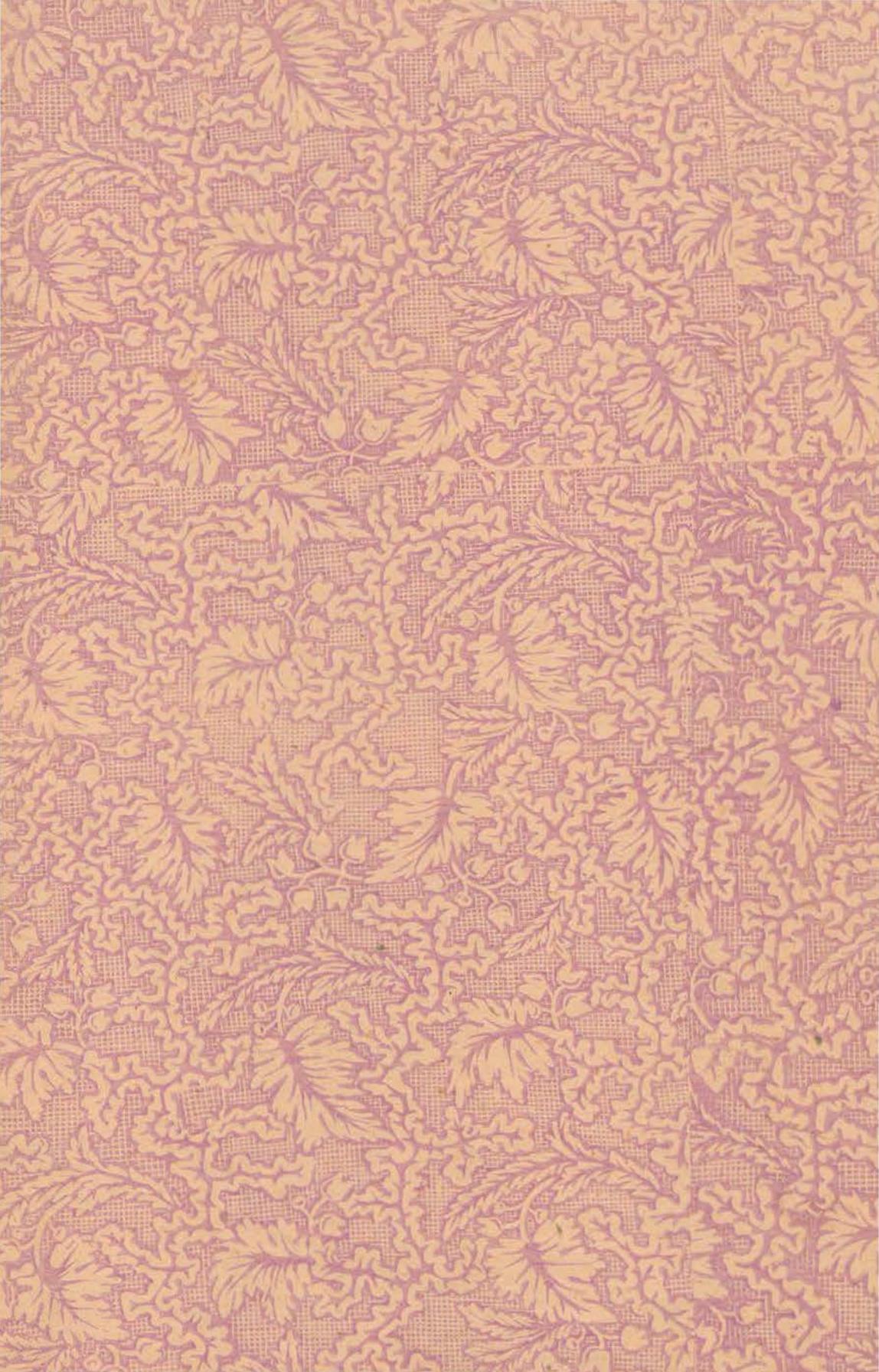
Данилевский.

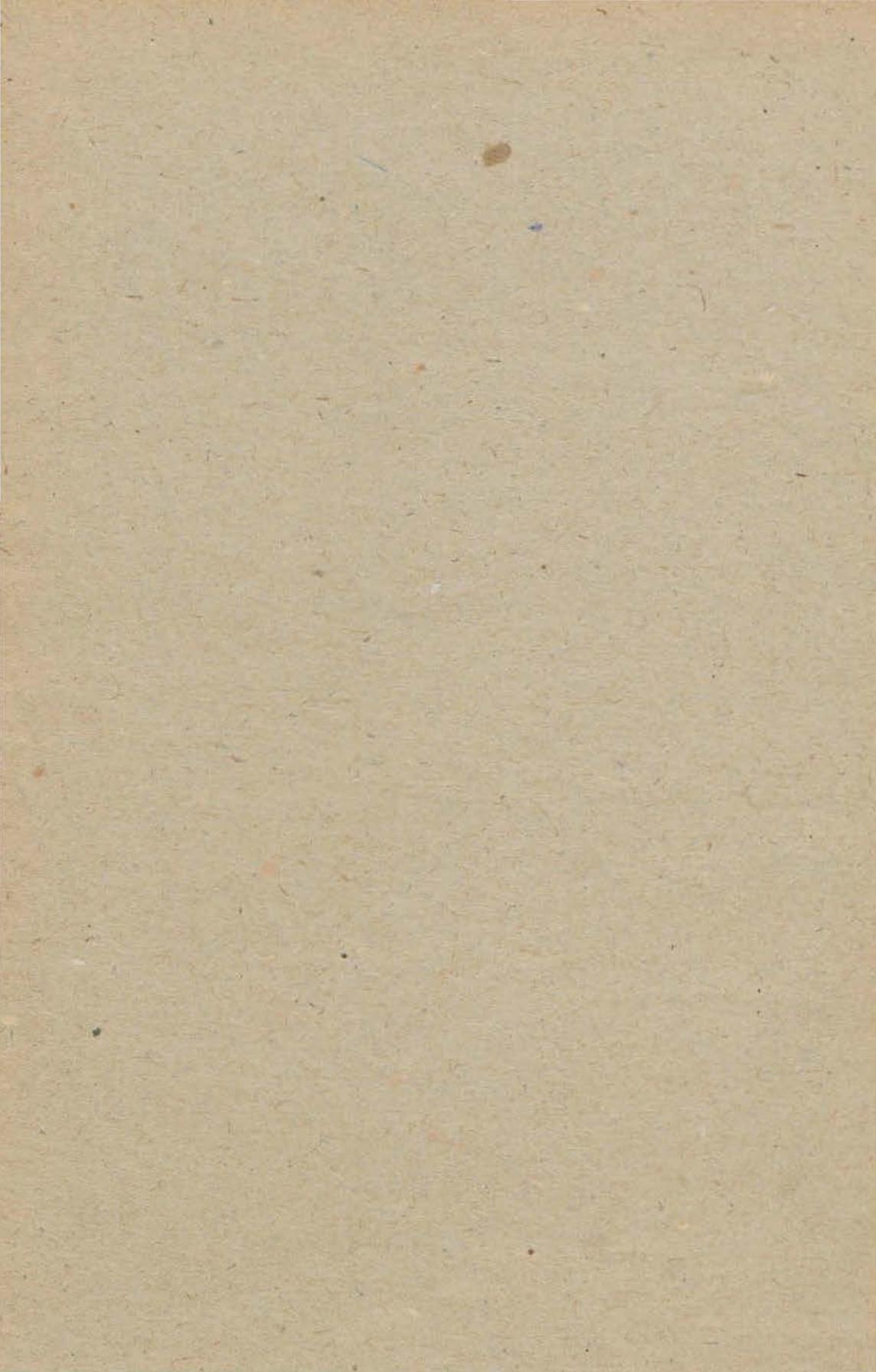
Очерк
из
физиологии соц.
недугов.

1914

У 35
207

35 207
Проф. В. Я. Данилевскій.

О Ч Е Р К Ъ

ИЗЪ

ФИЗИОЛОГИИ СОЦІАЛЬНЫХЪ
НЕДУГОВЪ.

ХАРЬКОВЪ

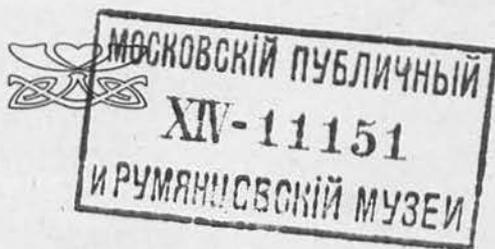
Типографія „Печатное Дѣло“, Конторская, Клещевскій пер. № 3.
1914.

Проф. В. Я. Данилевскій.

О Ч Е Р К Ъ

ИЗЪ

ФИЗИОЛОГИИ СОЦІАЛЬНЫХЪ НЕДУГОВЪ.

ХАРЬКОВЪ

Типографія „Печатное Дѣло“, Конторская, Клещевскій пер. № 3.

1914.

UNIVERSITY OF MICHIGAN
JUL 11 1977
ANN ARBOR, MICHIGAN

2010515230

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Настоящая брошюра возникла изъ рѣчи, произнесенной вкратцѣ на Общемъ собраніи Пироговскаго Съѣзда Врачей, въ апрѣлѣ 1910 г., въ С.-Петербургѣ.

Основная идея единства физиологическихъ законовъ для жизни индивида (**монобіоза**) и коллективной (**полибіоза**) изложена въ предисловіи къ моимъ „Этюдамъ по физиологiи личной и соціальной жизни“ (I. Чувство и Жизнь, Спб. 1910 г.).

Едва ли есть надобность снова повторять, что рядомъ съ этою общностью, закономерность строенія и явленій въ области „надъ-органическаго“ прогресса (морали, права, искусства, философіи, науки, экономики, гражданственности и т. д.) представляется, въ извѣстномъ смыслѣ, специфическою, вполне уже обособившеюся отъ общей психо-біологической, гесп. физиологической основы.

Какого-бы не были мнѣнія о происхожденіи законовъ таковой „мета-органической“ жизни, во всякомъ случаѣ для пониманія послѣдней необходимо сближеніе съ индивидуальной физиологіей животнаго организма, и не только въ видѣ той или иной общей схемы функціональныхъ дѣятельностей, но и по содержанію нѣкоторыхъ ихъ обобщеній и законовъ.

Въ литературѣ имѣется уже не мало трудовъ, доказывающихъ возможность и правильность таковыхъ воззрѣній. Въ другомъ мѣстѣ намъ придется подробно выяснить положительныя стороны „органической теоріи общества“, наиболѣе важныя въ функціонально-энергетическомъ отношеніи.

✓ Съ точки зрѣнія натурализма, или „Естественной исторіи
человѣка“, едва ли можно сомнѣваться въ необходимости
„Физиологическаго Введенія къ Соціологіи“ въ указанномъ
смыслѣ. Такая пропедевтика имѣетъ значеніе не только по
конкретному своему содержанію, но—что не менѣе важно—
и въ методологическомъ отношеніи, какъ руководящія эври-
стическія указанія. Понятно, научное „Введеніе“ можетъ
✓ имѣть объектомъ своего изученія только „бытіе“, но ни-
коимъ образомъ не „долженствованіе“, которое относится
къ области „Соціальной Философіи“ sensu lato. Настоящій
очеркъ имѣетъ цѣлью представить, хотя и въ отрывочномъ,
не систематическомъ видѣ, освѣщеніе нѣкоторыхъ вопро-
совъ Соціальной Физиологіи путемъ сопоставленія съ дан-
ными ученія объ индивидуальной жизни.

В. Д.

Кисловодскъ.
Февраль, 1914 г.

М.м. Г.г.! Если бы мы могли посмотреть на человеческую жизнь со стороны, издали, насъ поразилъ бы слѣдующій парадоксальный фактъ: когда человѣкъ что либо устраиваетъ своими руками, строить ли домъ, разводить ли садъ, прежде всего онъ тщательно осматриваетъ матеріаль—кирпичъ, сѣмена, породы деревьевъ. Напротивъ, когда тому же человѣку судьба властно ставитъ задачу о наилучшемъ устройствѣ своей общественной жизни, человѣкъ забываетъ о строительномъ матеріалѣ, о живой кирпичинѣ—о самомъ себѣ и сразу приступаетъ къ рѣшенію соціальной „строительной“ проблемы, помня только о своихъ нуждахъ и потребностяхъ, о своихъ стремленіяхъ и задачахъ и не заботясь о томъ, чтобы сначала изучить свойства строительнаго матеріала—того же человѣка.

А знаетъ-ли научно человѣкъ самъ себя? Извѣстны ли ему условія и причины образованія склонностей, влеченій, характера и другихъ его свойствъ? Отъ чего они зависятъ, какъ они видоизмѣняются? Чѣмъ опредѣляются его стремленія къ удовлетворенію своихъ потребностей? Все ли зависитъ только отъ его воли и сознанія и нѣтъ ли еще другихъ динамизмовъ въ самой природѣ человѣка, которые столь же властно направляютъ его жизнь? и т. д.

Мы такъ часто слышимъ о могучемъ значеніи инстинкта и автоматизма въ жизни животныхъ; а развѣ человѣкъ отъ нихъ совсѣмъ освободился? Гдѣ доказательства тому, что цивилизованный, высоко культурный современный человѣкъ, чья мысль умѣетъ такъ высоко парить надъ землею юдолю въ отвлеченныхъ сферахъ какого нибудь спиритуалистическаго идеализма, что этотъ человѣкъ и въ своей жизни

такъ же далеко успѣлъ отрѣшиться отъ власти истинннковъ, внѣсознательныхъ побужденій, автоматическаго подражанія?

Сравнительно только недавно наука стала проникать въ тайны тѣлесной жизни человѣка и устанавливать закономѣрныя отношенія, которыя оказались по существу такія же, вообще говоря, какъ и въ жизни животныхъ. И формы и условія явленій въ тѣлесной, матеріальной сферѣ въ существенномъ одинаковы. Изученіе организма животныхъ въ живомъ его состояніи оказало неоцѣнимыя услуги и для физиологіи человѣка.

Но тайны душевной жизни человѣка еще такъ мало изучены. То, что наиболѣе важно для его обыденной, практической жизни, тѣ психическія движенія и превращенія, которыя лежатъ въ основѣ его реального, естественнаго взаимоотношенія къ окружающему міру и къ самому себѣ,— все это сравнительно мало интересовало психологовъ и философовъ: для нихъ важнѣе были логическія построенія абстрактныхъ системъ, изъ которыхъ дедуктивно можно было выводить и нормы „низшей“ душевной дѣятельности.

Положительная наука исходитъ не изъ теоріи, но изъ фактовъ, которые должны давать убѣдительные, общеобязательные выводы и заключенія.

Лишь недавно Физиологія вступила на путь плодотворнаго изслѣдованія той области жизни, которая имѣетъ такое близкое отношеніе къ характеру, темпераменту человѣка, къ его склонностямъ, влеченіямъ и т. д.

Какъ много было обнаружено здѣсь неизвѣстнаго, неожиданно новаго! Многія изъ душевныхъ проявленій оказались въ тѣсной зависимости отъ чисто матеріальныхъ превращеній въ его тѣлѣ!

Эта „живая кирпичина“, изъ которой строится социальное зданіе, содержитъ въ себѣ еще много тайниковъ, подлежащихъ научному физиологическому изученію, тайниковъ, безъ знанія которыхъ никакой архитекторъ не сможетъ возвести

прочной, цѣлесообразной постройки. Вѣдь эта кирпичина— живая, она движется и дѣйствуетъ по своимъ естественнымъ законамъ, въ какія бы рамки ее не втискивалъ строитель! Вѣдь само зданіе—эта та же жизнь, которая неудержимо растетъ и развивается такъ, какъ это предписывается естественными законами, вытекающими изъ природы „кирпичины“, а не благими помыслами и волею архитектора!

Къ чему же приводитъ переустройство или строительство по „предустановленному гармоничному“ плану, если основныя свойства матеріала такъ плохо изучены, если ихъ не принимаютъ въ расчетъ, полагая, что для „хорошаго“ плана всѣ кирпичины одинаково пригодны?

Такое же непониманіе обнаруживаетъ и тотъ, кто, не считаясь съ природою человѣка, стремится поставить его жизнь на искусственную колею, остановить ея нормальное развитіе или извратить ее по иной программѣ.

Вездѣ одна и та же ошибка, одинъ источникъ неудачи— недостаточное пониманіе *обязательности научнаго знанія* и въ такомъ дѣлѣ, въ которомъ, казалось бы, достаточны лишь благія намѣренія и сильная воля. Если выяснились потребности сообщества, если усвоены опредѣленныя его цѣли и задачи, то, говорятъ, пора приступить и къ ихъ осуществленію... Но вотъ здѣсь то, и въ большихъ и въ малыхъ размѣрахъ, такъ часто приходится наблюдать несоотвѣтствіе, дисгармонію между цѣлью и средствами: орудіемъ осуществленія задачи, его средствомъ является самъ человѣкъ съ его чрезвычайно широкими индивидуальными (и групповыми, національными) колебаніями въ области стремленій, склонностей, характера, мышленія, чувствованій, интересовъ, потребностей и т. д.

Всѣ эти различія такъ часто создаютъ шереховатости въ совмѣстной жизни и дѣятельности, причиняютъ такъ много „внутренняго тренія“, что на преодоленіе этого сопротивленія приходится затрачивать непроизводительно массу

энергии. А вѣдь это—потеря для разумнаго, цѣлесообразнаго ея примѣненія!

Сумѣлъ-ли строитель предвидѣть это и ввести въ свою расчетную смѣту, въ свой планъ созиданія? Знаетъ ли онъ, сколько погибнетъ матеріала и силы вслѣдствіе его незнанія природы и законовъ жизни?

Тамъ, гдѣ движется живая коллективная струя, препятствія встрѣчаются въ видѣ не одного только „внутренняго тренія“ между ея слагаемыми сочленами; *внѣшнія* условія ея жизненнаго движенія могутъ имѣть не меньшее значеніе, и здѣсь также величина сопротивленія и нарушение нормальнаго хода завясятъ отъ свойствъ каждой частицы этого коллектива, отъ ея сцѣпленія или сродства и внутри и извнѣ; удѣльно тяжелѣйшія, болѣе устойчивыя частицы удержатъ правильное направленіе своего движенія, а менѣе устойчивыя будутъ отвлечены въ сторону, ихъ оторветъ центробѣжная сила соціальнаго водоворота—и т. д.

Почему же въ рѣшеніи своихъ техническихъ, инженерныхъ задачъ, въ другихъ строительствахъ человѣкъ руководится указаніями науки и опыта, изученіемъ строительнаго матеріала, его прочности, пригодности, а не только потребностями и цѣлью строительной затѣи? Когда же ему приходится устраивать свою жизнь, онъ это дѣлаетъ безъ *самопознанія*...

Едва ли мы ошибемся, если скажемъ, что въ такомъ неразумномъ способѣ рѣшенія задачъ и личной и семейной, и общественной жизни выражается *субъективная сторона* научно неподготовленнаго строителя, недостаточное развитіе *объективнаго* отношенія къ самому себѣ, къ своимъ цѣлямъ и задачамъ, къ своему строительству. Надо изучать и тѣлесную и душевную жизнь человѣка, спеціальныя свойства его ума и характера, его приспособляемость и пластичность, особенности его труда и воспримчивости—и изучать надо научными методами; только узнавши эту „живую кирпичину“

со всѣхъ сторонъ, можно будетъ опредѣлить—для какого жизненнаго строительства она пригодна, какимъ заданиямъ и цѣлямъ она можетъ удовлетворять, на что она способна.

Научный рационализмъ жизни дастъ ясныя, точныя критеріи для выбора труда, занятій, поведенія, для формованія и личной и соціальной жизни. Ни личныя влеченія и самочувствіе, ни грубый эмпиризмъ дѣдовъ, ни навыки и традиціи, ни мечты и благіе помыслы не должны будутъ служить непреложными директивами для устроенія личной жизни и общежитія.

Простое подражаніе и установившіеся шаблоны предопредѣляютъ теперь обыкновенно и ходъ воспитанія и образованія человѣка, и подготовку его къ той или иной спеціальности и роду занятій, даже къ образу жизни, безотносительно къ тому, въ какой формѣ происходитъ кристаллизація его ума, характера, его сердца... „Если не подойдетъ—научится, его исправитъ сама жизнь!“ Таково оправданіе тѣхъ, кто не хочетъ или не умѣетъ выйти изъ подъ власти „заведенной машины“, слѣпого подражанія, упрямой косности...

Пора уже признать, что и для жизни въ ея цѣломъ, все равно какъ и для всякой дѣятельности, для разумнаго труда, требуется уже *научное* знаніе, научныя критеріи и мѣрило, провѣренныя и обоснованныя. Явленія соціальной и государственной жизни также подчинены закону причинности, какъ и тѣлесное бытіе отдѣльнаго сочлена; условія дѣятельности, нарушенія строя, всякія ненормальныя уклоненія столь же закономерны и доступны объективному изслѣдованію.

Только научное знаніе даетъ возможность понимать эти явленія и ихъ предвидѣть. Люди уже перестаютъ слѣпо вѣрить „предчувствіямъ“, „внутреннему голосу“ и урокамъ прошлаго; они ищутъ объективно доказательныхъ правилъ и законовъ, обладающихъ неоспоримою убѣдительностью для каждаго, а потому и общепріемлемыхъ. Рациональная жизнь

можетъ быть построена на положеніяхъ, даваемыхъ только положительною наукой.

Нѣтъ основанія надѣяться, что знаніе исторіи народовъ и ихъ общественнаго уклада достаточно, чтобы почерпать изъ нея непреложныя правила для организациі правильной коллективной жизни всякой человѣческой группы, или сообщества, или народа. Этого недостаточно, ибо безъ знанія *психологіи народовъ*, психологіи человѣческаго коллектива, одно историческое познаніе само по себѣ можетъ оказаться слишкомъ формальнымъ.

Нужно надѣяться, что *антропологія*, въ широкомъ смыслѣ этого слова, современемъ получитъ точные научные методы для изученія тѣхъ свойствъ человѣка, которыя лежатъ въ основѣ общественной жизни—его воспріимчивости, отзывчивости, трудоспособности, понятливости и т. п.

Вооруженные научнымъ знаніемъ, спеціалисты—государствовѣды, экономисты и соціологи сумѣютъ тогда дать рacionales указанія объ устроеніи общежитія и его развитія, объ условіяхъ его здоровья, о леченіи разныхъ недуговъ коллективнаго организма и т. д. Въ будущемъ, когда спеціальныя познанія этихъ „свѣдущихъ“ лицъ приобрѣтутъ къ себѣ полное довѣріе со стороны общества и всего народа, тогда экспертиза и руководящія указанія такихъ спеціалистовъ будутъ признаны для соціальной жизни столь же обязательными, какъ уже теперь обязательны указанія техника—для машинъ, врача—для леченія, педагога—для школы, юриста—для судебного процесса; тогда соціальная и политическая жизнь будетъ освобождена отъ огромной траты энергіи, труда и времени, которая идетъ на заботы и дѣянія, руководимыя больше чувствами, чѣмъ разумомъ.

Развитіе „Соціальной Философіи“ выяснитъ идейную сторону того эмпирическаго матеріала, который заключаетъ въ себѣ проявленія различныхъ нормъ этическихъ, правовыхъ, хозяйственныхъ и др.; рядомъ съ научнымъ изуче-

ніемъ соціальной дѣйствительности, она построитъ схемы телеологическихъ закономерностей, соответствующихъ потребностямъ общежитія и его идеальнымъ стремленіямъ.

Но прежде всего слѣдуетъ признать, какъ исходный пунктъ, что совмѣстная жизнь развилась изъ личной, гесп. семейной, что большой рядъ соціальныхъ явленій, по существу, генетически связанъ съ психо-физиологическими свойствами индивидуума, съ психо-динамизмами его „я“. Алгебраическое суммирование этихъ факторовъ у лицъ, составляющихъ данную группу, можетъ характеризовать свойства этой послѣдней и объяснять многія стороны ея жизни.

Знаніе мотивовъ дѣйствій и вообще поведенія чловѣка возможно лишь на почвѣ научнаго изученія его жизни и его организма. Какъ часто въ послѣднемъ, въ тѣлесныхъ его свойствахъ, приходится находить поводы или причины тѣхъ или иныхъ сторонъ его поведенія, поступковъ, склонностей, настроенія, даже міровозрѣнія!

Въ настоящей рѣчи мнѣ хотѣлось бы дать Вамъ хотя бы нѣсколько указаній на большое значеніе *индивидуальной физиологии чловѣка* для уразумѣнія общественной жизни; я попытаюсь, хотя бы въ самыхъ общихъ чертахъ, выяснить на нѣсколькихъ примѣрахъ единство физиологическихъ закономерныхъ отношеній въ явленіяхъ общежитія и въ жизни индивида. Съ указанной точки зрѣнія, соціальную жизнь мы иначе не можемъ мыслить, какъ позднѣйшее производное отъ индивидуальной жизни или семейной, или групповой, какъ ея дальнѣйшую „надстройку“. Отсюда, уже изъ этого постулата, непосредственно вытекаетъ преемственная, родственная связь явленій и законовъ жизни, личной и общественной. Единство происхожденія приводитъ къ единству основныхъ функциональныхъ задачъ и механизмовъ, разсматриваемыхъ съ общей точки зрѣнія.

Въ каждомъ чловѣкѣ заключаются какъ бы два существа: одно ведетъ чисто индивидуальную жизнь—ѣсть, пить,

спить, думаетъ, работаетъ, руководясь исключительно *личными* побужденіями, потребностями, интересами. У другого же—жизнь цѣликомъ покоится на взаимодействіи съ окружающими людьми, и для этого ему уже необходимы инья свойства—соціальная впечатлительность (воспріимчивость) и отзывчивость, на которыхъ основаны обязательныя житейскія *нормы подражанія, внушаемости и подчиненія*. Все, что вноситъ личность въ соціальную среду—включая сюда и его акты инициативы и изобрѣтательности—все это въ болъшей или мѣньшей мѣрѣ покоится на его психо-физиологическихъ свойствахъ и способностяхъ.

Между этими двумя существами одной и той же личности соотношенія могутъ быть весьма разнообразны. Чѣмъ рѣзче развиты стороны индивидуальной жизни, тѣмъ болѣе подчиненная роль приходится на долю его соціальной, тѣмъ болѣе въ послѣдней проявляются психо-физиологическія особенности индивида, какъ такового.

И обратно: соціальныя интересы, инстинкты, влеченія могутъ у иного совершенно поглощать, заглушать личное „я“, и въ такомъ случаѣ онъ подходитъ къ типу „соціального автомата“ и будетъ служить единичнымъ выраженіемъ „соціальной психики“.

Если бы мы спросили біолога—можно ли научно знать жизнь цѣльнаго организма во всей ея полнотѣ, игнорируя знаніе составляющихъ его клѣточныхъ элементовъ, то, конечно, получимъ отвѣтъ отрицательный.

Но если аналогичный вопросъ былъ бы предложенъ соціологу по отношенію къ жизни сообщества, то, быть можетъ, отъ него мы услышали бы встрѣчный вопросъ: „Зачѣмъ знать физиологію составляющихъ элементовъ, если въ нашу задачу входитъ изученіе лишь формъ и явленій *общезитія*? Въдъ институты морали, права, закона, науки, искусства, экономики и др. возникли только на почвѣ совмѣстной жизни, а потому здѣсь инья причинныя соотношенія, иная

закономѣрность; содержаніе явленій соціальныхъ совершенно иного порядка, чѣмъ физиологическіе акты и свойства индивида“ и т. д.

Позвольте мнѣ прибѣгнуть здѣсь къ наглядному поясненію нашей проблемы помощью образнаго уподобленія. Я отлично понимаю, что само по себѣ оно недоказательно и не можетъ быть таковымъ, но, какъ сравнительное построеніе, оно намъ можетъ здѣсь пригодиться.—Представимъ себѣ наблюдателя, изучающаго жизнь лѣсовъ въ данной странѣ сверху, съ большой высоты; онъ видитъ лѣса, на огромномъ протяженіи и времени и пространства, но не различаетъ деревьевъ самихъ по себѣ, въ отдѣльности. Что же узнаетъ нашъ лѣсовѣдъ? Лѣса растутъ, измѣняютъ свое расположеніе въ опредѣленныхъ направленіяхъ; внутри лѣсовъ появляются пробѣлы, потомъ опять заполняются, подѣ влияніемъ времени года мѣняется общій обликъ лѣсовъ, ихъ цвѣтъ и т. д. Однимъ словомъ, въ связи съ разными условіями географическими, сезонными, климатическими, государственными, экономическими нашъ лѣсовѣдъ—наблюдатель *à distance*—можетъ произвести много весьма точныхъ и интересныхъ наблюдений, собрать массу фактовъ, подмѣтить извѣстныя связи, послѣдовательность явленій. И вотъ получается лѣсовѣдѣніе, наука, трактующая о лѣсахъ, какъ цѣльныхъ комплексахъ, объ ихъ статикѣ, ихъ динамикѣ, о прогрессивной эволюціи, о закономѣрной дифференціаціи и т. д.

Но не представляется ли Вамъ такое знаніе чисто формальнымъ, одностороннимъ, а потому недостаточнымъ? Можно ли назвать его научнымъ, если нашъ лѣсовѣдъ игнорируетъ жизнь растенія, дерева самаго по себѣ, какъ структурнаго элемента, который своимъ отношеніемъ къ почвѣ, климату, къ географическимъ и инымъ условіямъ, своими біологическими свойствами, своею экономической цѣнностью, опредѣляетъ историческія судьбы цѣлыхъ лѣсовъ... Въ біологіи дерева, какъ отдѣльнаго организма, лѣсовѣдъ

нашелъ бы научное объясненіе многихъ фактовъ, извѣстныхъ ему лишь съ формальной стороны по отношенію къ цѣльному лѣсу; только тогда бы и его знаніе могло бы сдѣлаться научнымъ.

Мы едва ли много погрѣшимъ, если скажемъ, что подобное же, аналогичное соотношеніе существуетъ между изученіемъ *соціальной жизни и жизни отдѣльнаго человѣка*. Въ этомъ случаѣ научное знаніе индивида еще тѣмъ болѣе необходимо для соціологіи, что онъ одаренъ разумомъ и волею.

Среди представителей этой науки вѣдь многіе придерживаются того воззрѣнія, что истиннымъ цементомъ для соціального строительства служить *психическая* связь между сочленами.

Если признать, что коллективная „воля“ общества, какъ опредѣленное рѣшеніе соціальной организациі, есть ничто иное, какъ алгебраическое сложеніе волевыхъ единицъ, что такое же суммирование происходитъ и въ сферѣ желаній, побужденій, стремленій, то станетъ понятнымъ, почему въ физиологіи соціальной жизни должны отражаться законы индивидуальной психики и ея закономѣрной зависимости отъ тѣлесной жизни *sensu lato*.

Здѣсь, конечно, мы имѣемъ въ виду лишь динамическую сторону явленій, но вовсе не „содержаніе“ желаній, стремленій и т. п. Физиологъ изучаетъ, напр. законы мускульныхъ движеній человѣка, ихъ формы, сочетанія, генезъ, механизмъ, совершенно независимо отъ того—для чего они производятся: для защиты, нападенія или работы, какова моральная оцѣнка этихъ движеній, ихъ значеніе, послѣдствія и т. п.

Въ психикѣ отдѣльнаго человѣка, куда проецируется, въ видѣ не всегда сознаваемыхъ впечатковъ или записей, вся его внѣшняя и внутренняя жизнь, весь его физическій и духовный міръ, тамъ мы найдемъ всѣ основные мотивы и навыки его общественной жизни. Конечно, послѣдняя сама

по себѣ вырабатываетъ новыя идеи и стремленія, новыя формы труда и поведенія, новыя цѣли и задачи, которыхъ не знаетъ индивидуальная жизнь сама по себѣ. Но это вовсе не значитъ, что общежитіе принесло съ собою особое откровеніе, проистекающее изъ особаго источника, генетически независимое отъ индивидуальной психики, что человѣкъ какъ сочленъ общежитія есть существо совершенно иное, чѣмъ въ своей личной жизни, иного порядка съ точки зрѣнія біо-динамики.

Никто не отрицаетъ, что социальная жизнь и въ своей организаціи, и въ цѣляхъ и задачахъ, въ идеяхъ права, закона, коопераціи, хозяйства, правосудія и т. п. заключаетъ много специфическаго, чего нельзя разсматривать просто, какъ производное отъ признаковъ и компонентовъ личнаго бытія, какъ это, напр. допустимо для *прямого* перехода автоматизма ребенка къ сознательности взрослого.

Но если человѣкъ во всѣхъ случаяхъ одинаково руководится стремленіями получать безопасность, спокойствіе и удовольствіе, избѣгать боли, зла, борьбы, то принципиально психо-физиологическая мотивация дѣяній и поведенія остается существенно одинаковою во всѣхъ случаяхъ. Съ извѣстными оговорками можно допустить, что основныя задачи отдѣльныхъ функций въ организмахъ, животномъ и общественномъ, могутъ быть сведены къ однообразной схемѣ: питаніе—движеніе (трудъ и поведеніе)—ощущенія (чувства) и познаніе внѣшней среды—регулированіе и приспособленіе—самосохраненіе—развитіе и т. д. Согласованность частей и ихъ дѣятельности, устраненіе внутреннихъ помѣхъ и противорѣчій, упроченіе условій нормальнаго равновѣсія—все это создаетъ *гармонію жизни*, одинаковую во всѣхъ формахъ живой природы.

При всѣхъ изслѣдованіяхъ психологическаго и физиологическаго характера необходимо имѣть въ виду не словесно—символическое изображеніе человѣкомъ его побужденій, стремленій, мотивовъ дѣятельности, а *реальное содержаніе*

соотвѣтственныхъ актовъ и ихъ причинную связь съ иными явленіями и условіями. Мы такъ привыкли прислушиваться къ словамъ, цѣнить красоты рѣчи, что не рѣдко забываемъ о тѣхъ простыхъ естественныхъ вещахъ и причинахъ, символы которыхъ облакаются въ столь звучныя, пышныя формы. Человѣкъ привыкъ преувеличивать значеніе своихъ словъ, принимать ихъ за вѣрное, точное воспроизведеніе дѣйствительности, а между тѣмъ какъ часто встрѣчается явное несоотвѣтствіе между велерѣчивою словесною мотиваціей и простой, истинной причиной его побужденій и стремленій.

Здѣсь мы встрѣчаемъ частный случай того общаго явленія, что внѣшность изображенія или воспроизведенія развиваясь начинаетъ переростать его содержаніе, затмѣваетъ его и сама по себѣ уже дѣлается предметомъ спеціального культа. Подобную дисгармонію между внѣшностью и содержаніемъ, по существу и по оцѣнкѣ, мы вѣдь нерѣдко встрѣчаемъ и въ области искусства, техники и при исполненіи разныхъ обязанностей, и во взаимоотношеніяхъ людей, и въ обыденной жизни...

Свойственная цивилизованному человѣку погоня за внѣшними красотами, даже въ ущербъ существенному содержанію, всего рѣзче проявляется, понятно, въ его словесной рѣчи. Краснорѣчіемъ внушаютъ нелѣпости; громко звучащее внушеніе, со стороны дѣйствуетъ иногда сильнѣе, чѣмъ всякая истина, хотя бы и въ родѣ „дважды два—четыре“...

Вотъ эту поправку „на красоту слова“ всегда надо имѣть въ виду, когда человѣкъ говоритъ о спеціальныхъ формулахъ, рецептахъ и идеалахъ своей общественной дѣятельности и вообще о соціальной жизни, о ея строѣ, развитіи, совершенствованіи. Мы обыкновенно забываемъ, что наша словесная рѣчь (устная и письменная) по существу является простою символическою, условною записью внѣшнихъ и внутреннихъ переживаній, болѣе удобною и тонкою, чѣмъ мимика и жесты, способною переживать своего

субъекта и тѣмъ сохранять для потомства богатство знаній и мыслей. Такова біологическая служебная роль человѣческаго „слова“, независимо отъ вызываемаго имъ эстетическаго чувства!

И здѣсь, какъ и въ другихъ случаяхъ, научному изслѣдователю приходится сложныя велерѣчивыя формулы мотиваций или предназначеній, проектовъ и т. п. замѣнять болѣе простыми символами и побужденіями, заключающими въ себѣ все существо дѣла, но безъ красивой его словесной обложки....

Для удовлетворенія своихъ насущныхъ потребностей животный организмъ обладаетъ прежде всего *чувствительностью*, которая своими сигналами изъ внѣшнихъ органовъ чувствъ и изъ внутреннихъ органовъ или иначе—ощущеніями возбуждаетъ вниманіе его—волю и сознаніе и тѣмъ цѣлесообразно направляетъ активныя силы на пріисканіе пищи, устраненіе какой либо опасности и т. п. ¹⁾.

Такое служебное значеніе ощущений и болѣе сложныхъ чувствованій крайне важно, именно для правильнаго хода жизни, для цѣлесообразнаго труда и поведенія. Эти сигналы позволяютъ своевременно избѣгать зла, боли, вреда или устранять, уменьшать ихъ страдательное вліяніе на физическую сторону жизни, а у человѣка—и на высшую психическую. Недовольство настоящимъ, слагающееся изъ ощущений неудовлетворенности, неудобства, гнета, препятствія, боли и т. д., заставляетъ искать иныхъ способовъ удовлетворенія своихъ нуждъ и потребностей и развивать инициативу и изобрѣтательность.

Тѣ же, по существу, основныя соотношенія между чувствами и развитіемъ энергіи, мы встрѣчаемъ и въ сложной жизни социальнаго организма. И здѣсь чувственные сигналы у „согражданъ“ даютъ свѣдѣнія о нуждахъ и потребностяхъ,

¹⁾ Подробнѣе см. мои „Этюды по Физиологіи личной и социальной жизни. I. Чувство и жизнь“, Спб. 1910 г. стр. 20 и слѣд.

объ удовлетворенныхъ или еще нарастающихъ; и въ обществѣ, какъ и у индивида, одно безстрастное знаніе дѣйствительности все еще недостаточно для пробужденія цѣлесообразно направляемой энергіи, для ея активированія. Даже современному высококультурному человѣку еще недостаточно *знать*, чтобы дѣйствовать: ему надо еще почувствовать!

✓ Безъ нужды—не было бы труда, безъ боли—не было бы самозащиты! Этотъ примитивный органическій законъ живой природы сохраняетъ полную свою силу и въ жизни отдѣльнаго человѣка и въ сложной общественной.

Соціальныя чувства взаимности и сочувствія обезпечиваютъ стройность и прочность соціального зданія во всѣхъ отношеніяхъ, ибо обезпечиваютъ своевременность и цѣлесообразность развитія энергіи—совмѣстной работы какъ въ сферѣ матеріальной, такъ и духовной.

Для современнаго человѣка еще недостаточно одного познавательнаго, чисто интеллектуальнаго цемента для скрѣпленія и для жизни общественнаго организма; онъ долженъ еще самъ чувствовать благо отъ его здоровья и вредъ, если этотъ организмъ заболѣваетъ. Отсюда понятенъ параллелизмъ между силою общественныхъ чувствованій и количествомъ энергіи, развиваемой сочленами общества подъ вліяніемъ таковыхъ душевныхъ движеній.

Въ сочленахъ общежитія—какова бы не была его форма—вырабатываются, путемъ навыка и упражненія, такія чувства и эмоціи, которыя могутъ быть *полезными* для цѣлей и задачъ такого сообщества, которыя поощряются и встрѣчаютъ, въ своемъ развитіи и обнаруженіи, наименьшее противодѣйствіе или сопротивленіе.

Соціально-этическія чувства, подобно фізіологическимъ у индивида, даютъ сигнальныя указанія на условія и характеръ меж-человѣческихъ отношеній, на ихъ положительныя и отрицательныя стороны.

Изъ сказаннаго становится понятнымъ, что *притупленіе и анестезія соціальныхъ чувствъ* представляетъ огромную опасность для нормальнаго хода общественной жизни, а отсюда и для устойчивости самой структуры общежитія. То, что было создано живою организаціей, путемъ долговременнаго взаимнаго приспособленія и раздѣленія труда, что поддерживается обще-согласованнымъ, координированнымъ активнымъ участіемъ сочленовъ общежитія, то, конечно, можетъ претерпѣть глубокое разстройство, въ видѣ настоящаго патологическаго, общаго или частнаго, пораженія организма, если анестезія соціальныхъ чувствъ въ области права и морали начнетъ разрыхлять и уничтожать внутрисоціальныя связи и сцѣпленія. Опасность такихъ атрофическихъ процессовъ тѣмъ больше, чѣмъ сильнѣе поражены идеи справедливости и гражданственности.

Чѣмъ сложнѣе и совершеннѣе организація, тѣмъ болѣе дифференцированы ея элементы, тѣмъ въ бѣльшей зависимости они находятся другъ отъ друга, въ бѣльшихъ или меньшихъ функціональныхъ группировкахъ. Самостоятельная, обособленная жизнь отдѣльныхъ частей становится уже невозможною и ихъ стремленіе къ благу осуществляется лишь въ согласованіи съ общимъ благополучіемъ; удовлетвореніе единичныхъ или групповыхъ нуждъ и потребностей не можетъ противорѣчить *общимъ* задачамъ и интересамъ до тѣхъ поръ, пока жизнь идетъ правильно, нормально, закономѣрно. Директивы къ такой координаціи даются, на низшихъ ступеняхъ, уже одними соціальными чувствами, пока они функционируютъ нормально; участіе же интеллекта и его главенство знаменуетъ уже высокую степень совершенствованія соціальной организаціи, ея прогрессивныхъ стремленій и способностей.

Основные законы фізіологической организаціи чловѣка, столь явственно проявляющіяся въ его индивидуальной жизни, въ свойствахъ его тѣла и въ его психикѣ, повторяются и

въ его социальной жизни. Это относится не только къ личному взаимодействию людей между собой, но и къ тѣмъ социальнымъ институтамъ морали, права, государства, закона, экономики и др., въ которыхъ основными, по существу, мотивами были тѣ же нужды и потребности человѣка, тотъ же инстинктъ самосохраненія, то же желаніе пріобрѣсти больше благъ и поменьше встрѣчаться со зломъ и т. д. Стремленіе къ довольству, удобству, спокойствію, къ устраненію страха, боли, опасеній и друг. является естественнымъ побужденіемъ къ опредѣленнымъ дѣйствіямъ и поведенію, цѣлесообразно приспособленнымъ къ наибольшему удовлетворенію таковыхъ потребностей съ наименьшею затратой усилій и времени. Этотъ утилитарный принципъ лежитъ въ основѣ большинства естественныхъ приспособленій ¹⁾).

Вездѣ и всюду, при всѣхъ условіяхъ жизнедѣятельности человѣку свойственно естественное стремленіе къ лучшему, къ прогрессу; вездѣ ему приходится активно приспосабливаться, съ цѣлью достиженія бѣльшого блага, уменьшенія зла и усиленія производительности своего труда; всегда и всюду законы развитія потребностей и способовъ ихъ удовлетворенія по существу одни и тѣ же. Какъ у ребенка дѣтскія шалости, „излишняя“ подвижность, нескончаемое любопытство и неутомимое выпрашиваніе являются инстинктивными проявленіями физиологическаго, нормальнаго роста мозга и мускуловъ, такъ и у взрослоаго инстинктивно развиваются творческія силы, инициатива, изобрѣтательность— во всѣхъ сферахъ его дѣятельности—до тѣхъ поръ, пока правильно идетъ развитіе его жизни, его мозга. Эта психическая сторона въ личной жизни проявится, быть можетъ, въ мелочахъ, а въ социальной—эта сила охватитъ бѣльшій районъ вопросовъ и интересовъ; но вѣдь физиологическій генезъ ея вездѣ одинъ и тотъ же.

¹⁾ Подробнѣе см. въ моей брошюрѣ „*Душа и Природа*“ (2-ое изд. 1897 г.) стр. 10 и др.

Психическія надстройки въ жизни человѣка образовались изъ низшихъ фізіологическихъ функцій, какъ непрерывныя производныя, связанныя съ ними не только внѣшнею преемственностью, но и генетически по существу. Сопряженная связь этихъ „надстроекъ“ съ развитіемъ мозга очевидна и никѣмъ не оспаривается, какъ таковая. Развитие и функциональное совершенствованіе этого органа идетъ *pari passu* съ „прогрессомъ“ въ области психическихъ проявленій.

Только тотъ человѣкъ, какъ разумное существо, достоинъ этого имени, который обладаетъ не только саморегулированіемъ, самоприспособляемостью и самодѣятельностью, но и стремленіемъ къ свободному развитію и совершенствованію, который изъ собственныхъ внутреннихъ побужденій своего интеллекта, стремится выработать опредѣленную кристаллическую форму своего „Я“. *Самостоятельное, свободное развитіе трудовой энергіи въ наибольшей степени* и въ области физическихъ условій существованія, и соціально-психологическихъ—такова высшая фізіологическая задача жизни.

Вышеуказанная схема въ общихъ чертахъ примѣнима и къ фізіологіи соціальнаго организма, внутри котораго связь сочленовъ, изъ первоначальныхъ, матеріальныхъ интересовъ, постепенно становится психическою, болѣе отвлеченною. Соціальная жизнь вовсе не есть результатъ простого, такъ сказать, ариѳметическаго сложенія отдѣльныхъ индивидуальныхъ жизней, все равно какъ общество или соціальная организація не есть простая сумма индивидовъ, ихъ механическое смѣшеніе. Какимъ бы путемъ не возникало первичное общежитіе, все равно—въ основѣ его могла лежать только *общность* интересовъ, побужденій, приведшихъ къ кооперации и къ взаимной оцѣнкѣ его сочленовъ въ положительномъ смыслѣ—сочувствія. Еще *Платонъ* сказалъ, что взаимодействіе магически превращаетъ безсиліе единичныхъ лицъ въ могущество коллективной личности.

Каково происхождение и значение элемента подчинения и принуждения, входящего въ понятие гражданственности и государственности — этого вопроса мы здѣсь касаться не будемъ.

Въ жизни какъ отдѣльной личности, такъ и всего общества господствуетъ одинъ и тотъ же физиологическій законъ: всякое внѣшнее сопротивление для функциональной работы служитъ раздраженіемъ или стимуломъ для соразмѣрнаго прибавочнаго развитія энергіи. Это есть функциональное приспособленіе, чрезвычайно цѣлесообразное. Но если внѣшнее сопротивление, вслѣдствіе большой своей силы, вызываетъ обратное — ослабленіе функций, если активная энергія падаетъ, то передъ нами переутомленіе, истощеніе, болѣзнь. Съ симптомами такого патологическаго состоянія мы встрѣтимся въ нашемъ дальнѣйшемъ изложеніи.

Одна изъ важнѣйшихъ задачъ совмѣстной жизни именно и состоитъ въ устраненіи этого зла путемъ взаимнаго индуцированія, подражанія, внушенія, въ смыслѣ наиболѣе свободнаго развитія энергіи и труда. Въ психикѣ сочленовъ-кооперантовъ упрочивается проэкція соціальной солидарности и согласованности, въ видѣ реальныхъ мозговыхъ отпечатковъ, изъ которыхъ помимо воли, роковымъ путемъ, формируются соотвѣтственные соціальные инстинкты, стремленія и мнѣнія. А вѣдь это и есть тотъ психическій цементъ, безъ котораго человѣческое общежитіе становится невозможнымъ!

Мозговые слѣды соціальныхъ переживаній закрѣпляются („эн-граммы“, *Semon*) какъ ихъ реальная регистрація; отсюда и проистекаетъ ихъ постоянное могучее, активирующее воздѣйствіе въ дальнѣйшіе моменты жизни, и прямое непосредственное, и по ассоціаціи. Путемъ частыхъ повтореній опыта и впечатлѣній упрочиваются соотвѣтственные психическіе динамизмы и человѣку нѣтъ надобности уже затрачивать каждый разъ усилія ума и воли, ибо усвоенные

соціальные навыки и умѣнія ведутъ къ развитію цѣлесообразнаго автоматизма (въ извѣстныхъ предѣлахъ), который требуетъ гораздо меньшей затраты энергіи сознанія, а потому и является болѣе удобнымъ, экономнымъ способомъ дѣятельности.

Прогрессивная эволюція общественной психики протекаетъ тѣмъ же роковымъ, органическимъ путемъ, какъ и индивидуальной. Этотъ путь прогресса охватываетъ всю совокупность душевныхъ побужденій, направляющихъ человѣческую жизнь; онъ идетъ отъ первичныхъ грубо матеріальныхъ, физическихъ интересовъ существованія, отъ чисто тѣлесныхъ побужденій—къ болѣе сложнымъ хозяйственнымъ, экономическимъ отношеніямъ, которыя постепенно видоизмѣняются и сопрягаются съ условіями обычая, права, закона; наконецъ, дальнѣйшею неизбѣжною стадіей является преобладаніе духовныхъ цѣнностей—какъ мораль, искусство, наука, философія. Исторія развитія человѣческой жизни даетъ правильный критерій для сравнительнаго опредѣленія жизненной цѣнности такихъ вещей, какъ наука, этика, цивилизація, экономика, религія, право, искусство, литература, техника и т. д. Этотъ критерій долженъ исходить не изъ субъективнаго сознанія человѣка, но изъ научной „естественной исторіи“ человѣка, изъ объективнаго изученія исторіи развитія и совершенствованія человѣческой жизни во всей ея совокупности.

Такимъ образомъ мы можемъ представить себѣ постепенное психо-физиологическое развитіе, какъ переходъ—отъ грубо тѣлесныхъ, матеріальныхъ „интересовъ“ къ высшимъ формамъ умственной жизни, къ наукѣ и искусству; отъ грубо чувственныхъ побужденій и внѣшнихъ стимуловъ—къ творческой самобытной работѣ интеллекта, освобождающагося отъ внѣшнихъ императивовъ. Этотъ путь проходитъ отдѣльный человѣкъ отъ дѣтства къ зрѣлому возрасту; проходитъ и соціальный организмъ отъ первобытнаго со-

стоянія до высшихъ ступеней духовной культуры. Человѣкъ простѣйшаго склада ума, такъ сказать, первобытный, руководствуется въ своей жизни только простыми чувственными сигналами—исходятъ ли они изъ потребностей его тѣла, или изъ внѣшней среды. Хочется ли ему добыть средства къ существованію, нужна ли защита отъ врага, приходится ли бороться съ грозными силами природы, все равно стимулы къ его работѣ и поведенію опредѣляются внѣшними вліяніями („Ехо“ — стимулами).

Напротивъ, развитой, просвѣщенный разумъ не довольствуется мотивами такого рода; путемъ постепеннаго развитія онъ вырабатываетъ свои самостоятельные побужденія и директивы („Endo“ — стимулы), которые тѣмъ болѣе освобождаются отъ прямого вліянія внѣшней среды, отъ матеріальнаго міра, чѣмъ совершеннѣе интеллектъ¹⁾. „Центръ тяжести“ жизни перемѣстился: прежде онъ всецѣло помѣщался въ области физической безопасности, питанія, хозяйственности, экономики; затѣмъ естественнымъ путемъ прогресса онъ передвинулся въ область болѣе отвлеченныхъ интересовъ морали, права, закона; высшаго завершенія найдеть въ области искусства, науки и философіи, въ сферѣ творческой мысли.

Само собою понятно, что вмѣстѣ съ тѣмъ, по тому же закону прогрессивной эволюціи, перемѣщается въ томъ же направленіи и критерій для оцѣнки „блага“ жизни. Сначала на первомъ мѣстѣ стояло физическое, матеріальное благо, какъ средства и условія, обеспечивавшія существованіе и максимумъ нормальной жизнедѣятельности. Оно прежде всего зависѣло отъ прямого взаимодѣйствія съ внѣшнимъ физическимъ міромъ. Далѣе стремленіе къ под-

¹⁾ Подробнѣе объ этомъ будетъ изложено въ моей брошюрѣ „Основной Физиологическій Законъ развитія ума и воли“ (рѣчь на XII Съѣздѣ Русск. Естествоиспытателей и Врачей, 2 января 1910 г., въ Москвѣ), которая in extenso готовится къ печати.

держанію и развитію стройнаго порядка общежитія, служащаго обезпеченіемъ производительности труда и душевнаго равновѣсія, заставило человѣка цѣнить блага болѣе высокаго порядка, въ видѣ обычая, морали, права, закона. Наконецъ на дальнѣйшей ступени повышающейся отвлеченности, „матеріальныя и эмоціональныя“ блага будутъ вытѣснены интересами разума, творческой научной и художественной мысли.

Такимъ путемъ идетъ постепенно и непрерывно эволюція цѣнностей жизни; ихъ „внѣшнее“ содержаніе замѣщается „внутреннимъ“.

Какъ бы не былъ высоко развитъ интеллектъ, его активное участіе въ выработкѣ побужденій къ дѣйствіямъ, труду и поведенію такъ часто встрѣчаетъ сильное противо-дѣйствіе со стороны *чувственно-эмоціональной* сферы. Черезъ эту послѣднюю тѣлесная организація человѣка можетъ активно вмѣшиваться въ область его намѣреннаго поведенія и сознательно-произвольныхъ дѣяній. Физиологическія свойства тѣла, въ особенности нервной системы, являются главными детерминантами тѣхъ глубинныхъ органическихъ основъ человѣка, которыя столь сильно вліяютъ на весь его душевный строй, на характеръ, волю, міровоззрѣніе; они опредѣляютъ его склонности, влеченія, энергію, отзывчивость, темпераментъ, какъ личное достояніе или унаслѣдованное.

Само собою понятно, что весьма часто императивы физиологической организаціи вовсе не сознаются самимъ субъектомъ, какъ таковыя. Подчиняясь ихъ несознаваемымъ велѣніямъ, онъ дѣйствуетъ автоматически и добросовѣстно обманываетъ самого себя, доказывая себѣ, что мотивы такихъ его дѣяній и рѣшеній вполнѣ логически проистекаютъ изъ его интеллекта, что они вполнѣ сознательно произвольны и подчиняются его волѣ и разуму.

Конечно, вліяніє внѣшнихъ условій или напряженіє воли можетъ затормозить активное проявленіє органическихъ побужденій, врожденныхъ склонностей и влеченій, но все же такъ часто, рано или поздно, они прорывають искусственную плотину и обнаруживаются неожиданно рѣзко и бурно.

Теперь является основной вопросъ: въ чемъ выражается столь сильное вліяніє физической организаціи чело-вѣка на его душевный укладъ? Какимъ образомъ возникаютъ таковыя вліянія?

Значеніє этихъ вопросовъ для соціальной жизни Вамъ станетъ сейчасъ понятнымъ, если Вы вспомните, что психическое взаимодействіє людей есть основа всякаго общезжитія и что нынѣ, какъ и прежде, „не идеи управляютъ міромъ, а эмоціи и характеръ“.

Къ сожалѣнію, здѣсь я могу коснуться этихъ вопросовъ лишь вкратцѣ. Мы оставимъ въ сторонѣ императивныя вліянія инстинктовъ питанія и генитального, какъ достаточно общеизвѣстныя; укажемъ на инныя фізіологическія воздѣйствія, напр., на то, что сильная мускулатура, крѣпкое сердце и высокое давленіє крови, по всей вѣроятности, являются главными органическими условіями такихъ психическихъ особенностей, какъ рѣшительность, смѣлость, стремительность, задорность. Напротивъ, физическая слабость, врожденная или послѣ болѣзни и потрясеній, благопріятствуетъ или даже вызываетъ такія качества, какъ боязливость, осторожность, подчиняемость, пессимизмъ, отвращеніє отъ всего рискованнаго, отъ всякаго новшества. Одно уже ослабленіє сердца и пониженіє артеріальнаго давленія рѣзко измѣняетъ общее самочувствіє, вызываетъ депрессивныя измѣненія характера, настроенія, угнетаетъ энергію ума. Это станетъ понятнымъ въ виду того, что эти условія рѣзко вліяють на питаніє мозга, которое быстро отражается на настроеніи, эмоціяхъ, на общемъ самочувствіи и т. д.

Значеніе тѣлесной организаціи, ея свойствъ, развитія и регресса, для психики—для темперамента, характера, настроенія—было подмѣчено уже давнымъ давно. Старые врачи и психологи учили, что въ зависимости отъ сильнаго развитія органовъ дыханія и кровообращенія въ молодомъ возрастѣ стоитъ высокая степень жизнѣдѣтельности вообще и эмотивной сферы въ частности, и что это проявляется такими свойствами, какъ веселость, довѣрчивость, мужество, воодушевленность, склонность къ идеализму и романтизму и т. п.

Нормальное состояніе хорошо развитой мускульной системы и ея иннерваціи существенно содѣйствуетъ развитію психической бодрости и „чувства силы“, а отсюда — самоувѣренности, стойкости.

Плохое питаніе тѣла, въ особенности мозга, ведетъ сначала къ повышенію общей раздражительности, къ рѣзкому ослабленію разсудочныхъ волевыхъ регуляторовъ—проще „задерживающихъ центровъ“¹⁾. Та же причина—плохое питаніе съ атрофическими процессами благопріятствуетъ или даже вызываетъ у стариковъ настроеніе недовольства, брюзжаніе, эгоизмъ, скептицизмъ, угрюмость, недовѣрчивость, упадокъ вѣры въ торжество идеаловъ... Всякое живое стремленіе къ прогрессу, къ лучшему и высшему, имъ кажется суетою суетъ или недостижимою мечтой. Ослабленный мозгъ утрачиваетъ мѣрило объективности, а отсюда—и справедливости; но самъ онъ этого не замѣчаетъ, а признаетъ, что „все это плохое, дурное“ находится внѣ его, въ объективной дѣйствительности.

Малая впечатлительность мозга, недостаточная восприимчивость ума, не позволяющая человѣку быстро распознать и усвоить новыя вѣянія, прогрессивныя новшества, заставляютъ его оставаться коснымъ, индифферентнымъ. Такъ какъ „малоподвижный“ мозгъ боязливо и упорно стремится

¹⁾ О значеніи ихъ для личной и соціальной жизни будетъ изложено въ одной изъ слѣдующихъ моихъ брошюръ по Соціал. Физиологіи.

сохранить свое настоящее психическое равновѣсіе въ области привычекъ, убѣжденій, строя жизни, настроенія и т. п., то всякое новшество можетъ а contrario возбуждать невольное „реакціонное“ движеніе назадъ, т. е. то же самое движеніе, которое мы дѣлаемъ невольно „по инерціи“, чтобы сохранить механическое равновѣсіе нашего тѣла, когда какая либо внѣшняя сила потянетъ насъ сразу впередъ. Въ этомъ проявляется „статическое“ чувство, фізіологически совершенно аналогичное такому же чувству, завѣдывающему устойчивымъ равновѣсіемъ нашего тѣла и автоматически исправляющему всякое нарушеніе послѣдняго, даже помимо нашего сознанія.

Чувства и инстинкты, обслуживающіе индивидуальную жизнь человѣка, продолжаютъ и въ совмѣстной жизни служить ему сигналами и побужденіями, приспособленными къ новымъ, болѣе сложнымъ формамъ окружающей среды. Теперь уже требуется большее участіе познавательныхъ элементовъ, ибо усложняются задачи, множатся разные компоненты, дѣйствующіе извнѣ; но дѣятельность внутреннихъ побужденій и эмоціональныхъ сигналовъ по существу остается та же—вращается ли человѣкъ въ простѣйшей средѣ съ элементарнымъ укладомъ жизни или же въ суетѣ шумной столичной жизни. Въ одномъ случаѣ его впечатлѣнія извнѣ будутъ просты и малочисленны, а во второмъ болѣе интенсивны, разнородны, въ подавляющемъ числѣ. Перенесите человѣка изъ первой среды во вторую, съ ея безчисленными требованіями и условностями этикета, обычаевъ, приличія, служебныхъ и иныхъ взаимоотношеній, и, постепенно инстинктивно приспособляясь, онъ пріобрѣтетъ тѣ соціальныя навыки и умѣнья, изошритъ тѣ свои чувства и воспріятія, которые „облегчаютъ“ ему новую жизнь, уменьшаютъ сумму „непріятныхъ“ ощущеній и дадутъ ему возможность правильно ориентироваться, развивать энергію, повышать продуктивность своихъ стараній и т. п.

Въ немъ, стало быть, произошло функціональное „совершенствованіе“ подъ формующимъ вліяніемъ новыхъ внѣшнихъ условій существованія. Психо-фізіологическіе динамизмы остались тѣ же, что и при простѣйшихъ условіяхъ жизни, но ихъ сочетанія и развитіе придало имъ значеніе приобретенныхъ „соціальныхъ чувствованій и инстинктовъ“, навыковъ и потребностей, о которыхъ онъ раньше не имѣлъ и понятія. Никто ихъ ему не внушалъ, не поучалъ; сама жизнь изъ простыхъ его свойствъ и способностей выработала новыя, сложныя, а вмѣстѣ съ тѣмъ заставила его умъ усиленно работать и болѣе сознательно относиться къ окружающему.

Сдѣлаемъ теперь обратное—перенесемъ высокоцивилизованнаго столичанина въ условія простой захолустной жизни, съ ея минимальными потребностями и кругозоромъ. Пройдутъ года и онъ, по собственному признанію, „одичаетъ“; онъ утратитъ тѣ чувства и стремленія, тѣ критеріи и требованія, которыя онъ имѣлъ раньше и которыя теперь атрофировались вслѣдствіе „не-упражненія“, говоря фізіологическимъ терминомъ.

Теперь намъ станетъ болѣе понятнымъ—какимъ путемъ простые инстинкты и чувствованія постепенно превращаются въ сложныя, высшія, подъ вліяніемъ внѣшней жизни; это происходитъ путемъ сочетанія и комбинацій съ разными новыми представленіями и понятіями, съ побужденіями и спеціальными факторами измѣняющагося существованія.

Здѣсь мы укажемъ, лишь ради примѣра, на рядъ высшихъ „производныхъ“ чувствъ, свойствъ, эмоцій, какъ на психическіе символы для осложненныхъ условій существованія, въ видѣ особенностей нрава, характера, темперамента...

Такъ изъ элементарнаго *инстинкта самосохраненія* произошли эгоизмъ, самолюбіе, самоувѣренность, свободолюбіе, самообладаніе, честолюбіе, строптивость, подчиняе-

мость, услужливость, и т. д. Этотъ инстинктъ слѣпо побуждаетъ идти къ тому, что *охраняетъ жизнь*, ея функціи, удовлетвореніе потребностей, что доставляетъ удовольствіе и повышаетъ энергію; съ другой стороны инстинктъ заставляетъ избѣгать всего противоположнаго, „зла“, вызывающаго неудовольствіе и пониженіе жизнѣдѣтельности. Этотъ инстинктъ проявляется нерѣдко въ видѣ слѣпыхъ побужденій, желаній неясныхъ, но обладающихъ большимъ напряженіемъ.

Не забудемъ при этомъ, что подобно тому, какъ ради защиты противъ вредныхъ химическихъ воздѣйствій организмъ вырабатываетъ опредѣленныя, специфическія антитѣла, стремящіяся побороть, нейтрализовать вредныя вещества ради сохраненія физиологическаго равновѣсія тѣла и жизни, такъ и въ психикѣ, во время „борьбы за существованіе“, подѣ влияніемъ соціальныхъ треній и вредностей (психическихъ „поха“), вырабатываются спеціальныя *анти-свойства*, приспособленныя для самозащиты, для цѣлей самосохраненія. Таковы храбрость, самоотверженность, хитрость, лицемѣріе, изворотливость, предприимчивость, выносливость, настойчивость, услужливость и т. п. Одна изъ важнѣйшихъ соціально-воспитательныхъ задачъ идеи *права* и заключается въ выработкѣ такихъ свойствъ согражданъ, которыя обеспечиваютъ общественную гармонію и связность при какихъ либо опасныхъ испытаніяхъ, потрясеніяхъ.

Подобныя *анти-свойства* развиваются и при другихъ инстинктивныхъ побужденіяхъ и влеченіяхъ, ради удовлетворенія той или иной потребности, при наличности *противодѣйствующихъ* условій. Каждый разъ то или иное приспособленіе психики носитъ *специфическій* характеръ, цѣлесообразно соотвѣтствующій даннымъ условіямъ, ради удовлетворенія опредѣленныхъ нуждъ и потребностей.

Изъ инстинкта *питанія*, въ извѣстномъ смыслѣ, какъ самосохраненія и поддержанія своей тѣлесной организаци, раз-

виваются сложныя психическія особенности въ родѣ жадности, скупости, запасливости, корыстолюбія, расчётливости, воровитости, карьеризма и т. д.

Огромное число разнообразныхъ свойствъ и стремленій развиваются на почвѣ инстинктовъ *генитального и родительскаго*. Какъ и въ другихъ случаяхъ, различныя ихъ видоизмѣненія и осложненія опредѣляются спеціальными вліяніями и условіями индивидуальности и соціальности. Сюда относятся по существу: привязанность, любовь, самопожертвованіе, стыдливость, скромность, ревность, дерзость, пристрастіе, хитрость, великодушіе и т. п. Едва-ли можно сомнѣваться въ тѣсной связи многихъ *альтруистическихъ* чувствъ съ родительскимъ инстинктомъ.

Инстинктивныя ощущенія, связанныя съ ростомъ и развитіемъ *мускульной системы* и ея иннерваціи, проявляются въ видѣ особыхъ свойствъ: подвижность, бойкость, трудолюбіе, мужество, стойкость, упорство, настойчивость, властолюбіе (см. выше).

Также точно ростъ и развитіе *большого мозга*, совмѣстно съ *органами чувствъ*, отражаются въ функціональномъ отношеніи на взаимодействіи индивида съ окружающимъ міромъ и придаютъ ему спеціальныя особенности („интеллектуальные инстинкты“) въ видѣ любознательности, любопытства, впечатлительности, отзывчивости, потребности объясненій, стремленія къ ясности сознанія, боязни умственной темноты, неизвѣстности и т. д.

Само собою понятно, что вышеуказанныя отраженія физиологическихъ свойствъ въ психикѣ и въ ея проявленіяхъ обнаруживаются не только въ положительномъ смыслѣ, но и въ отрицательномъ, именно въ случаяхъ соотвѣтственнаго недоразвитія, атрофіи или аномаліи въ той или иной части физиологической организаціи. Это относится ко всѣмъ группамъ душевныхъ „производныхъ“ или дериватовъ, ко всѣмъ формамъ инстинктовъ, склонностей, влеченій и т. п. Такъ

напр. слабость инстинктовъ самосохраненія и *сложнаго* мышечнаго чувства („чувства силы“) приводитъ къ трусости, опасливости, вялости, нерѣшительности. Недостаточность физиологическаго развитія большого мозга проявляется въ видѣ апатіи, индифферентизма, безучастливости, равнодушія.

Наконецъ, необходимо имѣть въ виду, что многія изъ вышеперечисленныхъ свойствъ и особенностей, а также и неупомянутыя тамъ являются производными отъ различныхъ *сочетаній* основныхъ инстинктовъ, чувствованій, влеченій, эмоцій. Формы и динамизмы такихъ комбинированныхъ воздѣйствій опредѣляются самой организаціей, личными переживаніями, наслѣдственными вліяніями, внѣшними условіями и т. п.

Инстинкты, чувства и побужденія, развившіеся на почвѣ общежитія, служатъ—такъ сказать—мозговыми проеціями или отпечатками условій такой жизни, наиболѣе запечатлѣнныхъ переживаніями личными и предковъ. Унаслѣдование такихъ „слѣдовъ“ опыта, конечно, облегчаетъ индивиду его личное участіе въ повторяющихся условіяхъ жизни, даетъ ему возможность быстрого ориентированія среди нихъ путемъ инстинкта, ощущеній, безъ затраты сознательной энергіи на обдумываніе, сужденіе, рѣшеніе (см. выше). Такое функціональное приспособленіе, благодаря унаслѣдованію и воспитанію, сберегаетъ силы интеллекта; но конечно, этотъ автоматизмъ вовсе не исключаетъ контроля сознанія. Соціальная жизнь, развивая такіе полезные инстинкты и навыки, укрѣпляетъ альтруистическія чувства и идеи и тѣмъ все болѣе и болѣе повышаетъ цѣнность психической связности сочленовъ между собой. Чувства взаимности, сотрудничества и симпатіи укрѣпляются на пути соціальной эволюціи и сами содѣйствуютъ возрастанію *продуктивности творческой* человѣческой энергіи. Едва ли мы ошибемся, если признаемъ, что въ этомъ именно и заложенъ одинъ изъ основныхъ

мотивовъ подчиненія эгоизма альтруистическимъ, или общѣ—соціальнымъ началамъ. Мощныя силы соціального прогресса, этого *рокового естественнаго* явленія, почерпаются по преимуществу изъ чувства взаимной симпатіи и свободной коопераціи.

Въ области *общественной морали и права* мы найдемъ много такихъ спеціальныхъ особенностей и свойствъ, которыя функціонально тѣсно связаны съ вышеназванными, а черезъ нихъ—и съ физиологическою организаціей индивида. Это и понятно, ибо сфера чувствованій, эмоцій, влеченій, склонностей и т. д. тѣснѣйшимъ образомъ зависитъ отъ свойствъ нервной системы, т. е. отъ индивидуальныхъ свойствъ вообще тѣлесной организаціи.

Здѣсь не мѣсто перечислять психическія особенности, присущія коллективной жизни; они по существу представляютъ собою сочетанія и модификаціи извѣстныхъ индивидуальныхъ свойствъ съ участіемъ новыхъ познавательныхъ элементовъ, даваемыхъ спеціально строемъ и явленіями соціальной организаціи. Достаточно, если мы вспомнимъ здѣсь такія свойства какъ: сочувствіе, состраданіе, „голосъ совѣсти“, чувство долга, справедливость, правосознаніе, любовь къ ближнему, чувство солидарности, чувство отвѣтственности, а также—и *отрицательныя* модификаціи упомянутыхъ инстинктовъ и чувствованій, органически связанныхъ съ опредѣленными производными эмоціями и внѣсознательными сужденіями.

Какое же значеніе имѣютъ всѣ эти инстинкты, чувствованія, побужденія, склонности? Мы уже видѣли, что живая природа роковымъ образомъ, органически развиваетъ ихъ ради удовлетворенія опредѣленныхъ нуждъ и потребностей организаціи, индивидуальной и коллективной; вѣрнѣе говоря—они вырабатываются какъ звучные, осязаемые сигналы, возбуждающіе энергію, силы жизнедѣятельности для опредѣленной функціональной дѣятельности.

До тѣхъ поръ, пока интеллектъ и его непосредственныя вѣлѣнія еще не обладаютъ достаточной динамогеніей, пока они еще не въ состояніи въ такой же мѣрѣ активировать напряженныя жизненныя силы, до тѣхъ поръ огромное динамогенное значеніе эмоціональныхъ, вообще чувственныхъ побужденій, сознательныхъ и лежащихъ внѣ контроля сознанія, удерживается въ полной силѣ ¹⁾).

Очевидно, что съ постепеннымъ развитіемъ интеллекта, знанія и самосознанія, господствующее значеніе чувствованій и инстинктовъ соотвѣтственно ослабѣваетъ роковымъ образомъ, какъ обязательное слѣдствіе органическаго прогрессивнаго развитія и индивида и общества. вмѣстѣ съ этимъ, конечно, ослабѣваютъ и директивы труда и поведенія, диктуемые физиологическою организаціей, какъ таковой; центръ тяжести и точка приложенія силы перемѣщаются въ сторону интеллекта, вооруженнаго знаніемъ и безстрастіемъ.

Въ познавательной области интеллекта, именно въ памяти, а также и въ инстинктивныхъ чувствованіяхъ отлагаются и путемъ упражненія упрочиваются *привычныя ассоціаціи*, получаемыя изъ воспріятія, сужденій, умозаключеній, ощущеній въ общественной жизни и фиксирующія содержаніе ея взаимоотношеній и событій, а также и ихъ оцѣнку ²⁾).

Мы знаемъ, что по физиологическому закону развитія и совершенствованія, біологическій прогрессъ обусловливается также и *упражненіемъ*, дѣятельностью. Эволюція функций, свойствъ, способностей требуетъ труда, работы; только при этомъ условіи могутъ возникнуть тѣ органическія измѣненія

¹⁾ Для поясненія считаю нелишнимъ замѣтить, что подъ именемъ интеллекта мы понимаемъ здѣсь не только познавательно—мыслительную сторону душевной жизни, но и исходящіе изъ нея сознательно—волевые импульсы, двигательнаго и регуляторно-задерживательнаго характера. Внѣшнее проявленіе этихъ импульсовъ можетъ быть нейтрализовано противоположными вліяніями, напр. эмотивнаго происхожденія.

²⁾ Подробнѣе см. „Чувство и Жизнь“, стр. 33, 39 и 40.

въ строеніи, въ формѣ, свойствахъ, которыя составляютъ основу совершенствованія. Этимъ путемъ происходятъ цѣлесообразныя приспособленія организаціи къ внѣшнимъ стимуламъ и условіямъ, которыя дѣйствуютъ какъ формирующія, „созидательныя раздраженія“¹⁾. Идетъ ли рѣчь о приспособленіяхъ и улучшеніяхъ мускульной, нервной системы, или костной или иныхъ органовъ — принципъ остается неизмѣннымъ.

Въ *личной* жизни человѣка встрѣчается та же закономерность: упражненіе или повторныя проявленія способностей, побужденій, склонностей, извѣстныхъ дѣяній ведутъ къ ихъ развитію, упроченію, къ усиленію ихъ активности. Насажденіе добрыхъ нравовъ и полезныхъ навыковъ идетъ тѣмъ успѣшнѣе и плодотворнѣе, чѣмъ болѣе участвуютъ въ этомъ самодѣятельность и личная инициатива.

Этотъ же фізіологическій законъ имѣетъ полное примѣненіе и къ *соціальной* жизни. Накакими проволочными загражденіями и защитными укрѣпленіями нельзя вызвать прогрессивнаго развитія тѣхъ соціальныхъ свойствъ и способностей, тѣхъ талантовъ творчества и предпріимчивости, безъ которыхъ общественная жизнь не можеѣ двигаться впередъ, ни въ области умственной, ни экономической, ни соціально-культурной, ни другихъ сторонъ общежитія. Необходимо *работа, дѣятельность* въ желаемомъ направленіи, подъ вліяніемъ внутреннихъ, сознательныхъ мотивовъ; необходимо, чтобы душевныя свойства и способности изощрались и развивались путемъ функциональной дѣятельности, какъ результатъ *органической или сознаваемой потребности*.

Никакая тепличная искусственная выгонка какихъ-либо сторонъ соціальной жизни и организаціи не въ состояніи достаточно долго поддерживать иллюзію успѣшнаго роста; какъ природа — въ физическомъ мірѣ, такъ историческія судьбы — въ мірѣ соціальномъ уже скоро начинаютъ мстить

¹⁾ См. „Душа и Природа“ (2-ое изд.).

за поправіє естественныхъ законовъ, за злую волю или за невѣжество, ведущее къ искаженію и уродованію нормального развитія...

Упроченіє и развитіє тѣхъ чувствованій, свойствъ и способностей человѣка, которыя возникаютъ благодаря условіямъ общежитія, могутъ происходить лишь путемъ „упражненія“ или дѣйственаго воспитанія въ области соціального взаимодействія. Только этимъ путемъ дѣятельнаго переживанія могутъ быть усвоены, закрѣплены такіе устои жизни, какъ мораль, право, законъ, въ ихъ практическомъ осуществленіи, а не какъ отвлеченная фикція.

Усовершенствованіє личности, какъ *соціального элемента*, не можетъ быть достигнуто помимо непосредственнаго участія въ общественной жизни, съ ея тренирами и волненіями. Трудно понять, какимъ образомъ стремятся достигнуть того же приверженцы личной обособленности индивида путемъ самоуглубленія или нѣкотораго аскетическаго искуса.

Такъ какъ функціональная, фізіологическая дѣятельность есть основное условіє для прогресса, такъ какъ въ трудѣ, въ планомѣрной работѣ мозга и мускуловъ заключается существенный факторъ развитія и совершенствованія, то намъ становится понятнымъ, почему человѣкъ инстинктивно ищетъ условій, *благопріятствующихъ* его работоспособности и производительности труда и тщательно избѣгаетъ противоположныхъ. Такое „утилитарное“ соотношеніє между функціональной работой и окружающими условіями мы встрѣчаемъ, какъ правило, даже внутри организма, въ его тканяхъ и органахъ. Здѣсь не мѣсто приводить доказательства, но я позволю себѣ указать на два примѣра: когда мозгъ или мускулы, или железы усиленно работаютъ, они обезпечиваютъ себѣ производительность своего труда, заставляя кровь усиленно притекать, доставлять себѣ матеріаль для функціональной работы и тѣмъ повышать свое питаніє ради цѣлесообразнаго пополненія затраченнаго своего

запаса энергии и вещества. Это условие работы крайне важно; оно является выражением физиологического само-приспособления.—Другой примеръ. Уже а priori можно утверждать, что если во время планомѣрной работы органа на него начнутъ дѣйствовать какія либо постороннія раздраженія, то такое вмѣшательство можетъ вызвать разстройство правильного хода функціональнаго труда. Чтобы обезпечить отъ этого и защитить органъ отъ вреднаго воздѣйствія, природа выработала особое „рефрактарное“ свойство, состоящее въ томъ, что напр. сердце *въ моментъ своего сокращенія* оказывается совершенно невоспримчивымъ къ внѣшнимъ раздраженіямъ; оно, въ этотъ моментъ своей функціональной работы, оказывается нераздражимымъ.—Подобную же „рефрактарную“ фазу физиологи нашли во время дѣятельности и въ нервной системѣ.

Едва ли мы много ошибемся, если признаемъ, что человѣкъ, отдавшійся своей работѣ и ставшій на это время мало воспримчивымъ къ внѣшнимъ воздѣйствіямъ, представляетъ не простое внѣшнее сходство съ явленіемъ рефрактарности сердца и мозга, но гомологичное родство; онъ также защищенъ отъ постороннихъ воздѣйствій, могущихъ нарушить правильный ходъ его работы.

Посмотримъ теперь—какихъ же именно ищетъ человѣкъ условій, благопріятствующихъ его труду, какъ фактору его умственнаго и матеріальнаго преуспѣянія? Здѣсь мы снова встрѣчаемся съ физиологическими законами, власть которыхъ въ этомъ отношеніи распространяется и на тѣлесныя функціи, и на психическія, включая всю сферу человѣческой воли.

Физиологи экспериментально доказали, что не только рефлекторныя, импульсивныя движенія, но даже и чисто произвольныя мускульныя дѣйствія требуютъ участія одновременныхъ чувственныхъ импульсовъ, извѣстныхъ ощущеній. Если такъ или иначе уничтожить чувствительность глотки, то

„произвольное“ глотаніе становится невозможнымъ; если сдѣлать тоже съ кожей, анестезировать ее, положимъ, на губѣ лошади, на лапахъ собаки и т. п., то произвольныя движенія претерпѣваютъ сильное разстройство и даже становятся невозможными; симптомы таковы, какъ будто парализованы мускулы, а между тѣмъ сами по себѣ они вполне нормальны.

У человѣка наблюдается подобная же закономерность соотношенія между чувствительностью кожи и движеніями произвольныхъ мускуловъ: при анестезіи подошвы мы не можемъ ходить; если поражена чувствительность кожи рукъ, мы не можемъ ничего держать, работать (безъ викарной помощи зрѣнія) и т. д.

Наконецъ, та же закономерная зависимость сложныхъ дѣяній человѣка — его труда, занятій, исполненія обязанностей, отъ высшихъ чувствованій наблюдается на каждомъ шагу. Сюда относится вліяніе честолюбія, тщеславія, самолюбія, альтруистическихъ чувствованій, любви къ ближнему, ожиданія награды или похвалы... ¹⁾

Эти чувствованія настолько нужны для соответственной дѣятельности человѣка — для его труда, служебныхъ занятій, — что у иного пропадаетъ всякая охота къ работѣ и онъ перестаетъ ее исполнять, если по той или иной причинѣ у него исчезло чувство тщеславія, ожиданіе награды, извѣстной выгоды и т. п.

Уже простое наблюденіе показываетъ, что при наличности радостныхъ, бодрящихъ чувствъ, работоспособность человѣка повышается, подвижность возрастаетъ, усиливается развитіе энергіи и мускульной и умственной. Въ этомъ случаѣ активирующее вліяніе настроенія или эмоцій удовольствія, несомнѣнно, служитъ проявленіемъ чисто физиологической закономерности, происходитъ ли это въ видѣ

¹⁾ Подробнѣе о такомъ значеніи чувствованій для проявленій воли см. „Чувство и Жизнь“.

подбадривающаго вліянія музики при утомительномъ маршѣ или хороваго пѣнія—при работѣ, или шутокъ, всякихъ развлеченій...

Теперь понятно, почему человѣкъ стремится къ такой обстановкѣ своихъ занятій и труда, которая заключала бы въ себѣ условія, *активирующія его работоспособность*, его енергію въ указанномъ смыслѣ.

Перейдемъ теперь къ обратнымъ условіямъ. Уже давно извѣстно, какъ изъ опытовъ надъ животными, такъ и изъ наблюденій надъ человѣкомъ, что физическая *боль* угнетаетъ мозговья функціи и мускульныя произвольныя движенія; при достаточной силѣ болевыхъ ощущеній могутъ появиться даже паралитическія явленія. Подобнаго же рода угнетающее дѣйствіе оказываютъ и эмоціи и аффекты гнетущаго (депрессивнаго) характера. Такіе ихъ симптомы, какъ „языкъ онѣмѣлъ“, „ноги подкашиваются“, „руки опустились“, отвисаніе нижней челюсти, неподвижность глазъ—вполнѣ соотвѣтствуютъ дѣйствію болевыхъ ощущеній.

Вполнѣ аналогичныя явленія *угнетенія произвольныхъ* движеній, труда и поведенія, наблюдаются подъ вліяніемъ нравственной боли или страданія и настроеній депрессивнаго характера; они рѣзко понижаютъ умственную бодрость и физическую работоспособность (подобное же гнетущее вліяніе оказываетъ и длительное однообразіе работы и вообще жизни). И вотъ почему человѣкъ такъ старательно избѣгаетъ условій жизни, столь отрицательно вредно отражающихся на развитіи его енергіи, инициативы и творчества. Боль и страданія парализуютъ трудъ! Если же человѣкъ почему либо находится въ состояніи повышенной раздражительности, то уже достаточно сравнительно слабого болевого чувства, физическаго или нравственнаго, чтобы разстроить правильный ходъ его жизни и трудовыхъ занятій.

Совершенно гомологичныя отношенія мы встрѣчаемъ и въ общественной жизни: условія, пробуждающія положитель-

ныя чувствованія и настроенія, повышающія общій *соціальной психо-тонусъ*, дѣйствуютъ благопріятнымъ образомъ на коллективную жизнедѣятельность, пробуждаютъ творческія силы, повышаютъ работоспособность, координируютъ поведение сочленовъ, приводя ихъ къ болѣе гармоничному единенію. Такія „бодрящія“, активирующія условія могутъ легко приводить въ состояніе воодушевленія, энтузіазма, экзальтаціи, которыя нерѣдко дѣйствуютъ такъ заразительно. Напротивъ, депрессивныя чувствованія и настроенія обратнаго характера—болетворныя, гнета, страданія дѣйствуютъ на общество такъ же отрицательно, какъ и на индивидуума: понижается дѣйственная инициатива, предприимчивость и количество труда, появляются признаки апатіи и индифферентизма, ослабѣваетъ интрасоціальная связность, наблюдаются разобщенность, пониженіе общихъ интересовъ, вялость, разбитость, тоска, безучастность...

М.м. Г.г.! Мнѣ хотѣлось бы показать Вамъ гомологичное сходство между явленіями единичной и коллективной жизни не только въ области ея нормальныхъ условій, но также и при *нарушеніяхъ* ея стройнаго порядка; личная и соціальная физиологія, какъ нормальная, такъ и патологическая, представляютъ много общихъ чертъ и единообразія въ своихъ закономерностяхъ.

Для этого мы остановимся, напр. на *депрессивныхъ психическихъ состояніяхъ*, наблюдаемыхъ какъ слѣдствіе *сильныхъ переживаній*, чрезмѣрно повышенной жизнедѣятельности, страстныхъ волненій и опредѣленныхъ внѣшнихъ условій существованія. Длительныя и рѣзкія душевныя волненія и вообще нарушенія психическаго равновѣсія, конечно, оставляютъ глубокіе слѣды во всѣхъ областяхъ жизни и даже въ тѣлесной организаціи человѣка. Чрезмѣрная затрата энергіи, сильныя колебанія самочувствія, внутреннія коллизіи, неприспособлен-

ность душевнаго строя—все это легко можетъ привести къ состоянію ослабленія, усталости, временнаго истощенія.

Всякаго рода сильныя общественныя движенія и пертурбаціи (политическія, религіозныя, общественныя, локальныя и общія) легко расшатываютъ *интеллектуальныя* устои общаго строя, ибо послѣдніе—какъ образованія позднѣйшаго времени—всегда являются наименѣе устойчивыми, наиболѣе ранимыми; таковы идеи морали, права, законности, науки, просвѣщенія и др. При повышенной эмотивности такъ легко теперь берутъ перевѣсъ вліянія, исходящія изъ чувствованій, настроеній, страстей, характера, темперамента.

Гдѣ же внутри себя найдетъ человѣкъ тормозящія регуляторы, столь необходимыя для его дѣйствій и поведенія, если устои интеллекта ослаблены, если они уже не въ состояніи нейтрализовать, побороть вредныя вліянія психическихъ „поха“?

Рядомъ съ приниженіемъ культурной цѣнности человѣка наблюдается аналогичная деградация и общей *соціально-культурной жизни*: директивы науки и просвѣщенія, бывшія столь властными и уважаемыми при нормальныхъ условіяхъ, теперь утрачиваютъ свое вліяніе, свой престижъ; законы общественной морали, признававшіеся прежде незыблемыми устоями жизни, подвергаются сомнѣнію и замѣщаются побужденіями и мнѣніями личнаго свойства; идеи права и закона, господствовавшія въ области взаимоотношеній согражданъ и учреждений, теперь легко извращаются въ угоду требованіямъ минуты и настроенія; здравыя критеріи и понятія художественнаго творчества и эстетическаго наслажденія оказываются уже неумѣстными, недѣйствительными для пониженнаго, огрубѣлаго самочувствія и должны уступить мѣсто своенравнымъ причудамъ.

Такимъ образомъ едва ли мы ошибемся, если скажемъ, что прежде всего и больше всего страдаютъ *позднѣйшія* приобрѣтенія *духовной культуры*, не успѣвшія еще упро-

читься въ глубинныхъ основахъ человѣческой души. Само собою понятно, что чѣмъ старѣе и выше культурность народа или группы, тѣмъ слабѣе самая деградация его психики, тѣмъ менѣе печальна ея картина.

Для пополненія этой послѣдней прибавимъ еще другіе обычно наблюдающіеся симптомы, столь характеризующіе описываемое состояніе жизни: повышенная опасливость, недовольство всѣмъ и всѣми, духовный разбродъ, взаимныя распри, нетерпимость, разногласица даже по элементарнымъ безспорнымъ „истинамъ и правиламъ“; рядомъ съ этими аберраціями социальности мы встрѣчаемъ анти-соціальное самовозвеличеніе, преувеличенное представленіе о своихъ силахъ и правахъ, о своемъ призваніи и дѣятельности; пренебреженіе къ правамъ ближнихъ, пониженное чувство личной отвѣтственности и своего долга, иллюзорная показная аффектація....

Наконецъ, нельзя не указать еще на одно слѣдствіе духовной депрессіи, крайне важное съ точки зрѣнія социальной психо-динамики; это — явственное пониженіе продуктивности *общественно-трудовой энергии, инициативы и полезности* производимыхъ затратъ труда и времени. Насколько разумныя правовыя нормы, въ связи съ альтруизмомъ и справедливостью, повышаютъ эту хозяйственно-динамическую сторону жизни, настолько же умаленіе этихъ устоевъ дѣйствуетъ отрицательно. А вѣдь съ энергетико-физиологической точки зрѣнія, основная задача государственной формы общежитія и сводится по существу къ обезпеченію условий, благоприятныхъ для наибольшаго развитія трудовой энергии въ ея наиболѣе продуктивной, полезной формѣ.

Въ такомъ неприглядномъ видѣ проявляется личное „я“ человѣка въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ чувствуетъ себя свободнымъ отъ императивовъ социальности *sensu lato*. Тѣ подвиги во имя духовнаго самоусовершенствованія и самодисциплины, во имя моральныхъ идеаловъ и принциповъ, на которые былъ способенъ человѣкъ при нормальныхъ

условіяхъ, теперь становятся невозможными: у него не хватаетъ для нихъ ни силъ, ни выдержки, ни даже инициативы или внутренней потребности.

Рѣзкія колебанія самочувствія, во время сильныхъ переживаній и общественныхъ волненій, между страхомъ и надеждой, радостями и горемъ, между воодушевленіемъ и оцѣпенѣніемъ, напряженіемъ и успокоеніемъ, между увѣренностью и сомнѣніями,—влекутъ за собою роковымъ образомъ расшатываніе душевнаго строя, нарушеніе его равновѣсія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и чрезмѣрную затрату психической энергіи. Человѣкъ становится „жертвою“ своихъ чувствованій и настроеній; постоянныя опасенія и заботы, досада и неудовлетворенность вызываютъ въ самочувствіи преобладаніе подавляющаго, „депрессивнаго“ настроенія, лишь иногда смѣняющагося возбужденностью и напряженіемъ. Каково бы ни было содержаніе этихъ чувствованій, ихъ познавательные элементы, все равно—вездѣ онъ видитъ лишь отрицательныя стороны, во всемъ онъ находитъ только непріятности, неудовольствіе. Такое психическое состояніе сопрягается съ разстройствомъ питанія мозга, съ нарушеніемъ его способности возстановлять, возрождать свои силы и нормальныя свойства; въ этихъ матеріальныхъ условіяхъ кроется большая опасность для дальнѣйшаго хода явленій, если своевременно не будутъ приняты надлежащія врачебныя мѣропріятія.

Отсюда понятна не только опасная неустойчивость самочувствія, но и появленіе *душевной усталости* со всѣми ея признаками (см. ниже), помраченіе ясности нашихъ сужденій и критеріевъ относительно людей, условій, событій, собственныхъ переживаній; извращается уголъ зрѣнія, человекъ теперь все видитъ въ иной перспективѣ, быть можетъ, совершенно не соотвѣтствующей дѣйствительности; а фізіологическій законъ контраста вноситъ еще новый источникъ иллюзій въ оцѣнкѣ внѣшнихъ актовъ, условій и предметовъ.

Прибавимъ къ этому, что каждое очень сильное аффективное состояніе, въ видѣ рѣзкаго взрыва чувства и страстей, оставляетъ въ душѣ „отрицательный слѣдъ“, подобно тому, какъ послѣ интенсивнаго свѣтового раздраженія ощущается темнота, въ видѣ противоположной реакціи; такъ напр. послѣ чрезмѣрно сильнаго радостнаго ожиданія или возбужденія такъ легко можетъ возникнуть обратное—усиленное чувство печали, разочарованіе; послѣ любви—ненависть; послѣ гнѣва—жалость; послѣ экстаза—апатія и т. д.

Вотъ на почвѣ упомянутыхъ „отрицательныхъ слѣдовъ“, остающихся въ психикѣ, какъ реакція послѣ сильныхъ эмоцій и аффектовъ, такъ легко возникаютъ „вторичныя“ настроенія и ощущенія, для которыхъ никакой соотвѣтственной внѣшней причины можетъ вовсе и не быть. Но такую душевную переменѣну субъективнаго происхожденія человѣкъ инстинктивно объективируетъ и ищетъ повода для нея во внѣшней средѣ; ему кажется, что причины его тоски, досады, страха, апатіи, разочарованія лежатъ внѣ его, во внѣшнихъ событіяхъ и условіяхъ, что виноваты въ этомъ его ближніе, а самъ онъ является лишь жертвою.... Въ „усталой“ душѣ, при ослабленіи интеллекта, такія иллюзіи очень опасны: человѣка нельзя переубѣдить, а его „ложныя“ ощущенія и сужденія становятся мотивами его дѣйствій, труда, всего поведенія....

Еще болѣе тягостны и опасны послѣдствія послѣ сильнаго, болѣе или менѣе неожиданнаго душевнаго волненія („эмоціональнаго шока“ или потрясенія) въ томъ случаѣ, если уже заранѣе психика человѣка была недостаточно устойчива, воля не тверда, а впечатлительность слишкомъ восприимчива. Само собою очевидно, что такой душевный строй всего менѣе приспособленъ или защищенъ противъ вреднаго вліянія столь рѣзкихъ, внезапныхъ колебаній „самочувствія“, чѣмъ бы оно не было вызвано, напр. сильнымъ горемъ, внезапнымъ испугомъ или великою радостью. При

такомъ аффективномъ нарушеніи душевнаго равновѣсія въ человѣкѣ, все страдаетъ, все разстраивается—и воля, и разумъ, и чувства, желанія, все поведеніе и т. д.—[Не нужно однако забывать, что и помимо сильныхъ взрывовъ аффектовъ и страстей, и *не сильныя* эмоціи могутъ расшатывать душевный строй и ослаблять разумную волю и директивную власть интеллекта, если только они часто повторяются].

Тѣ же по существу явленія наблюдаются въ психикѣ и коллектива при указанныхъ условіяхъ. Психологія „толпы“ знаетъ много примѣровъ рѣзкаго нарушенія душевнаго равновѣсія и координаціи подъ вліяніемъ аффективнаго „шока“, когда ея поведеніе начинаетъ противорѣчить не только праву и закону, но и элементарнымъ требованіямъ человѣчности и простаго здраваго смысла. Если кто либо, одинъ человѣкъ, сдѣлалъ бы то, что творитъ толпа въ порывѣ страстнаго возбужденія, то конечно, возникъ бы вопросъ о его преступности, вырожденіи, или душевной болѣзни. Можно считать общепризнаннымъ, что если отдѣльный человѣкъ самъ по себѣ не способенъ на какой либо нелѣпый актъ, напр. звѣрства, нападенія, бессмысленнаго требованія и т. п., то вмѣстѣ съ другими, въ толпѣ, тотъ же самый человѣкъ оказывается способнымъ на совершеніе того же поступка.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда психо-физиологическая реакція послѣ рѣзкихъ переживаній и потрясеній выражается апатіей, индифферентизмомъ, пониженіемъ общаго психо-тонуса, въ это время и отдѣльный человѣкъ, и все общество инстинктивно ищетъ *активирующихъ возбужденій*, ищетъ вліяній, повышающихъ общую бодрость, тонусъ; нужно чѣмъ нибудь устранить если не эту депрессию, то хотя бы ея ощущеніе, если не въ дѣйствительности, то хотя бы иллюзорно. Человѣка гнететъ чувство недомоганія, какъ бы усталости, адинаміи—упадка силъ, бодрости. Онъ жалуется на нѣкоторую „разбитость“, ослабленіе умственныхъ инте-

ресовъ, на чувство безразличія или равнодушія ко всему окружающему; то, что прежде останавливало на себѣ его вниманіе, теперь ускользаетъ отъ его умственного взора; „различительная“ воспримчивость притуплена; требуются болѣе сильныя раздраженія и впечатлѣнія, чтобы вызвать прежнюю умственную реакцію; то же относится и къ самочувствію.

Мы не погрѣшимъ, если сопоставимъ такое психофизиологическое состояніе съ тѣмъ, которое является послѣдствіемъ сильнаго дѣйствія нѣкоторыхъ мозговыхъ ядовъ, вродѣ опія, алкоголя.

Что же дѣлаетъ отдѣльный человѣкъ, а за нимъ и все общество, чтобы побороть эту депрессию, чтобы удовлетворить инстинктивной потребности *возстановить утраченное душевное равновѣсіе?*

Исторія, литература и обыденное наблюденіе показываютъ, что въ этомъ состояніи начинаютъ преобладать тѣ чувства и побужденія, которыя сильнѣе другихъ могутъ возбудить душевныя движенія и эмоціональныя активныя настроенія. Причина понятна, ибо только такими сильными толчками преодолевается апатія и возбуждается приподнятое самочувствіе или ощущеніе душевной бодрости. Отсюда—инстинктивное стремленіе къ веселію, разгулу, озорству, какъ естественная дань закону равновѣсія, какъ реакція противъ состоянія угнетенія или „душевной тяготы“.

При такомъ состояніи преобладающее вліяніе могутъ легко получить интересы *мистики и чувственности* (въ широкомъ смыслѣ слова). Съ одной стороны эмотивное воображеніе, а съ другой грубыя ощущенія веселія, развлеченій, наслажденія, начинаютъ давать тѣ стимулы, которые оказываются болѣе чѣмъ достаточными, чтобы излечить, побороть апатичное приниженное настроеніе. Каково бы не было подобное „лекарство“, принятое—оно какъ будто помогаетъ; на это время человѣкъ забываетъ свою брезгливость, охотно

измѣняетъ своимъ прежнимъ убѣжденіямъ и хватается за всякое средство, за всякую мѣру, развлеченіе, занятіе, лишь бы психика была сдвинута „съ мертвой точки“, лишь бы побороть наступившій „*hoggog vasci*“ душевнаго строя. Инстинктъ ищетъ всякихъ средствъ для оживленія „сердца“, будетъ ли это грубое развлеченіе или алкоголь, или игра воображенія.

Теперь возникаетъ вопросъ: почему же именно въ области чувственныхъ возбужденій и мистическаго воображенія съ его сильными эмоціями, человѣкъ ищетъ спасенія отъ психической адинаміи, чувство которой такъ пагубно на него дѣйствуетъ? Почему онъ не заглушаетъ ее или не исцѣляетъ другимъ путемъ—обыденными занятіями, службой, творческой работой, умственнымъ трудомъ, здоровымъ художественнымъ наслажденіемъ, наукой?

Къ объясненію, мнѣ кажется, можно подойти еще и съ такой стороны.

Вѣдь *интеллектъ*, какъ высшая познавательная творческая сила, есть позднѣйшая, наиболѣе ранимая надстройка психики; поэтому онъ легче всего поражается неправильною жизнью, болѣзнями, потрясеніями и труднѣе восстанавливаетъ свои силы и равновѣсіе. То же самое вполнѣ относится и къ нашимъ *волевымъ задерживательнымъ регуляторамъ*, руководимымъ вѣднѣями *разума*, его идейными мотивами. При тревогахъ и потрясеніяхъ, послѣ сильныхъ эмотивныхъ переживаній, при явленіяхъ истощенія душевной энергіи, они скорѣе всего поражаются, слабѣютъ и утрачиваютъ свое руководящее вліяніе на весь ходъ сознательной жизни. То, что всего позднѣе создается творческими силами прогрессивной эволюціи, то оказывается менѣе прочнымъ, менѣе устойчивымъ, наиболѣе ранимымъ. Такія высшія душевныя свойства и способности требуютъ для своего проявленія не малой затраты сознательно-волевой энергіи; для умственной работы и для подчиненія всего поведенія человѣка и его труда приказамъ

разсудка требуются извѣстныя усилія. Чрезмѣрное напряженіе въ этомъ направленіи можетъ привести къ состоянію усталости съ признаками прямо-противоположнаго характера.

Напротивъ, фантазія есть низшая форма психики, которая, какъ, напр. во снѣ, въ гипнозѣ, во время наркоза, тѣмъ сильнѣе и необузданнѣе работаетъ, чѣмъ болѣе слабѣетъ разсудокъ, чѣмъ болѣе устраняются его строгіе, сознательные критеріи и регуляторы. Игра воображенія, движенія и смѣна всяческихъ образныхъ представленій на разныя темы такъ легко подчиняются чувственнымъ побужденіямъ и, въ свою очередь, такъ легко возбуждаютъ настроенія, эмоціи, что въ этой низшей психической сферѣ человѣкъ, дѣйствительно, быстро и легко находитъ желаемое противоядіе, если ему надо только заполнить тоскливую пустоту или заглушить неприятныя воспоминанія, слѣды внѣшнихъ воздѣйствій и т. п.

Съ одной стороны—своими величавыми образами, подавляющею ихъ мощью, съ другой—своими „туманностями“ необъятной силы и размѣровъ, не допускающими никакого разсудочнаго реального контроля, мистика легко возбуждаетъ чувства, настроенія; она даетъ сильныя „раздраженія“, захватывающія всего человѣка; а именно такихъ то и ищетъ инстинктъ человѣка въ минуту усталости, слабости и подавленности. Онъ превращается въ примитивнаго мистика-дикаря; это—живой атавистическій анахронизмъ.

При слабомъ противодѣйствіи критическаго интеллекта, мистическое настроеніе легко овладѣваетъ человѣкомъ, даетъ его психикѣ извѣстное содержаніе и активацию и тѣмъ легко спасаетъ отъ гнетущей пустоты и истощенія, отъ полного паралича его бодрости и энергіи. Въ этомъ смыслѣ довѣріе къ иррациональному приноситъ видимой „пользы“ человѣку больше, чѣмъ наука съ ея сомнѣніями, безстрастіемъ и холодомъ... Отсюда понятно его отчужденіе отъ просвѣщенія, отъ научнаго знанія, которое не можетъ дать ни надежды,

ни бодрости, ни защиты. Въ своихъ ирраціональныхъ представленіяхъ и признаніяхъ человѣкъ находитъ разрѣшеніе или разряженіе того гнетущаго напряженнаго состоянія, которое такъ губительно дѣйствуетъ на весь душевный строй, вслѣдствіе упадка власти интеллекта. Для усталаго, много пережившаго человѣка, съ ослабѣвшимъ интеллектомъ, съ расшатаннымъ самочувствіемъ, голосъ инстинкта является основнымъ, могучимъ императивомъ: — онъ ищетъ не яснаго сознанія, но лишь успокоенія, не энергіи ума и воли, а умиротворенія; онъ стремится заглушить, уничтожить душевную тяготу не трудомъ и личными усиліями, внутренней борьбой, но помощью извнѣ, ирраціональными силами жизни.

Если нарастаетъ органическая потребность возстановить утраченное равновѣсіе, то, конечно, и человѣкъ, и все общество переносятъ центръ тяжести своей душевной дѣятельности въ сторону *наименьшаго усилія и наибольшей видимой полезности*. И въ самомъ дѣлѣ, что можетъ быть легче и пріятнѣе отдаться фантазіи, выражаясь вульгарно — „щекотанію нервовъ“, искать забытѣя и временнаго отдохновенія въ области чувства и воображенія, а главное — поменьше думать, рассуждать, напрягаться...

Человѣкъ ищетъ того, что можетъ быстро оживить его, согрѣть, утѣшить; воля слабѣетъ, а „разумъ и наука такъ холодны и безучастны“, такъ строги и трудны; они не придаютъ энергіи ослабѣвшему, а сами еще требуютъ усилій, напряженія, затраты силъ... Такъ обыкновенно оправдывается человѣкъ, когда инстинктъ руководитъ имъ въ стремленіи къ „наибольшей выгодѣ при наименьшей затратѣ“.

Вотъ эту то физиологическую роль отвлеченія съ сильными ощущеніями и играютъ мистика и чувственность. Отраженіе ихъ подъема въ литературѣ имѣетъ по этому такое важное симптоматическое значеніе. Тѣ сюжеты, описанія, изображенія, которые вслѣдствіе своей необычной рѣзкости и чуть не ошеломляющаго дѣйствія считались

прежде недопустимыми для истиннаго художественнаго наслажденія, теперь, напротивъ, оказываются наиболѣе цѣнными, ибо въ усталой психикѣ, съ пониженной впечатлительностью, съ огрубѣлыми вкусами и критеріями, только сильныя „раздраженія“ въ состояніи расшевелить вниманіе и приковать его къ себѣ. Всякія безобразія, преступленія, искаженія въ жизни, которыя прежде возбуждали лишь интересъ рѣдкой уродливости, болѣзненности, которыя вызывали чувство гадливости и отвращенія, теперь становятся чуть не обычными темами произведеній искусства и литературы, культивируя нездоровые интересы и чувства въ публикѣ. Это вліяніе тѣмъ опаснѣе, чѣмъ выше талантъ художника, писателя, чѣмъ сильнѣе развита внушаемость толпы, чѣмъ слабѣе въ ней отпоръ со стороны интеллекта и просвѣщенія. Такое состояніе указываетъ на неустойчивость психики въ указанномъ отношеніи, на ослабленіе интеллектуальныхъ интересовъ, на чрезмѣрное вліяніе настроенія и чувствованій, какъ на реакцію противъ пониженія душевной бодрости, отчего бы оно не произошло. Вредъ такого длительнаго состоянія очевиденъ; къ этому мы вернемся ниже.

Подобное состояніе душевной расшатанности, ослабленія регуляторовъ, преобладанія настроеній и эмоцій наступаетъ, напр. въ тѣхъ случаяхъ, когда какія либо бурныя подавляющія переживанія, непрерывный страхъ или опасенія, морально-психическое переутомленіе понижаютъ главенство разума и убѣдительность его логическихъ доводовъ и тѣмъ деградируютъ сознательность жизни. Человѣкъ ищетъ опоры уже не въ своемъ интеллектѣ, не въ научномъ знаніи, не въ моральной силѣ своихъ идеаловъ и убѣжденій; слабѣя онъ ищетъ ее во внѣшней средѣ, гдѣ бы то ни стало, какой бы то ни было, лишь бы онъ почувствовалъ извнѣ какую то помощь, поддержку или надежду на нее (см. выше). Въ этомъ состояніи, съ ослабленнымъ критицизмомъ ума, онъ становится слишкомъ довѣрчивымъ и воспріим-

чивымъ ко всему, сильно дѣйствующему на чувства и воображеніе; всякому внушенію онъ отдается пассивно, автоматически. Для сохраненія утрачиваемаго равновѣсія онъ инстинктивно ищетъ почвы, твердой опоры внѣ себя, ибо внутренніе устои интеллекта ослабѣли. Чувство внутренняго шатанія невольно, инстинктивно вызываетъ мучительное ощущеніе безпокойства и страха; слабый человѣкъ отдается легко всякому влеченію, всякому внѣшнему вліянію, лишь бы въ немъ онъ видѣлъ устойчивую опору, почву, хотя бы въ дѣйствительности—и иллюзорную.

Разъ ослабѣли его „Епдо-стимулы“, активность его личнаго „Я“, то понятно, преобладаніе переходитъ на сторону внѣшнихъ, постороннихъ „Ехо-стимуловъ“, не встрѣчающихъ уже нормальнаго противодѣйствія со стороны такихъ „anti“—свойствъ, какъ самообладаніе, критическое сужденіе; вдумчивость, осторожность, стойкость. Всѣ эти „защитныя“ свойства и способности ослаблены, заглушены, ибо ихъ психо-физиологическое напряженіе слабѣе, чѣмъ напряженіе возбужденныхъ эмоцій и чувствованій.

Изъ сказаннаго становится понятнымъ, насколько при указанныхъ условіяхъ можетъ рѣзко видоизмѣняться сама индивидуальность человѣка, его личное „Я“. Въ это понятіе вѣдь входятъ не только мышленіе, познанія, трудовые навыки, но также и активная энергія, съ ея личными директивами, проявляющаяся въ опредѣленныхъ стремленіяхъ, склонностяхъ, характерѣ и т. д.

Что же это за состояніе? Передъ нами *слабость интеллекта*, этого наиболѣе нѣжнаго, легко ранимаго психическаго аппарата, который у современнаго человѣка обыкновенно еще такъ легко уступаетъ подъ грубымъ напоромъ ощущеній, настроеній и характера.

Это общее ослабленіе интеллекта, личнаго и социальнаго, вслѣдствіе извѣстнаго переутомленія, послѣ тяжелыхъ переживаній, потрясеній, характеризуется ослабленіемъ без-

страстной умственной работы, требующей известного трудового усилия, ослаблениемъ соціальной связности и, напротивъ, *повышеніемъ субъективизма* и грубаго, примитивнаго *эгоизма* во всѣхъ сторонахъ жизни, включая сюда и правосознаніе, и искусство, и литературу; вся духовная жизнь челоуѣка и общества деградируетъ, принимая атавистическій характеръ. Ослабленіе интересовъ и критеріевъ общаго объективнаго характера и преобладаніе побужденій изъ личныхъ инстинктовъ и эмоцій неизбѣжно приводитъ къ увеличенію внутри-общественныхъ трений, къ ослабленію соціальной связности и общенія и вообще альтруизма.

Если прежде челоуѣкъ былъ способенъ на акты великодушія, безкорыстія, самоотверженности, щедрости, то въ разбираемомъ состояніи „психической реакціи“ послѣ пережитаго, все это отпадаетъ, выходитъ изъ сферы даже пониманія; всѣ эти мотивы уступаютъ мѣсто простому эгоизму.

Объективизмъ въ сужденіяхъ и поведеніи строже и труднѣе, онъ требуетъ знанія, бѣльшей интеллектуальной работы, бѣльшей дисциплины ума и воли. Субъективизмъ же — прямая противоположность: отдаться личнымъ интересамъ и критеріямъ, потоку личныхъ настроеній и мечтаній, теченію своихъ чувственныхъ побужденій и т. п. — конечно, легче и пріятнѣе... Для эгоиста личные интересы и нужды стоятъ выше, чѣмъ соціальные; его заботы и стремленія направлены на удовлетвореніе своихъ потребностей и желаній; у него замѣчается чуть не анестезія альтруистическихъ чувствъ.

Если же челоуѣку нужно оправдаться въ такомъ практическомъ эгоцентризмѣ передъ самимъ собою или другими, то недостатка въ звучныхъ фразахъ и трогательныхъ мотивахъ, конечно, не будетъ... И такъ часто это говорится даже искренно, добросовѣстно... Челоуѣкъ какъ бы не замѣчаетъ, что по существу основная мотивация его дѣйствій и разсужденій исходитъ изъ интересовъ его личнаго настроенія и

благополучія; онъ признаетъ правильнымъ только то, что можетъ быть согласовано съ этими интересами.

Для человѣка, понятно, гораздо легче дать волю своимъ страстямъ, порывамъ своего характера, темперамента, чѣмъ напрягать усилія своей воли и своего ума, чтобы сдерживать себя во имя нравственной и интеллектуальной дисциплины. Стоитъ только прикрыться идеалами личной мощи и свободы, стремленіемъ къ раскрѣпощенію „самоопредѣляющейся личности“ и—оправданіе готово... Преобладаніе эгоистическихъ мотивовъ и ослабленіе альтруистическихъ даетъ ему легкую возможность перенести внутрь себя, въ свое „я“, всѣ критеріи своего труда и поведенія и тѣмъ освободить себя отъ обязанности руководиться общепринятыми правилами и идеалами соціальной морали. Создавъ себѣ такое иллюзорное „право“, ad hoc, сочленъ общежитія начинаетъ „держатъ“, конечно, во имя личнаго благополучія и удовлетворенія своихъ личныхъ замысловъ. Такая форма атавизма возможна лишь при общемъ упадкѣ интеллекта.

Соціальность, какъ говорятъ въ этихъ случаяхъ, есть символъ гнета и принужденія; напротивъ, свобода ничѣмъ не стѣсняемой личности якобы знаменуетъ собою прогрессъ человѣчества на пути къ полному развитію его творческихъ силъ и къ достиженію высшихъ его идеаловъ. Такъ говорятъ во имя естественнаго стремленія облегчить свое самочувствіе, нерѣдко, какъ протестъ гипертрофированнаго чувства личнаго „я“ или какъ симптомъ упадка умственной дисциплины и соціальной связности.

Мы видѣли, что съ чисто физиологической точки зрѣнія, проявленія субъективизма въ различнѣйшихъ формахъ, начиная отъ созерцательнаго самоуглубленія и кончая грубымъ эгоизмомъ—эпикуреизмомъ, легко объясняются ослабленіемъ интеллекта, его энергіи и дисциплины. Происходитъ ли это отъ переутомленія, отъ какихъ либо извращеній жизни, болѣзней или потрясеній—безразлично: приниженіе высшихъ

душевныхъ регуляторовъ неизбежно влечетъ за собою атавистическій возвратъ къ простѣйшимъ *первично-эгоистическимъ* формамъ психической дѣятельности (см. выше).

Само собою понятно, что подобное состояніе совмѣстимо лишь съ застоємъ общественной жизни, съ эпохой регресса или пріостановки умственного прогресса. Каковы здѣсь соотношенія между упомянутыми факторами, что отъ чего зависитъ, что чему предшествуетъ — этихъ вопросовъ мы касаться здѣсь не будемъ.

Еще *Гете* указалъ, что ретроградныя эпохи отличаются субъективизмомъ. Личное „я“ становится центромъ всѣхъ помысловъ человѣка, со своими потребностями, интересами личными императивами; не общее благо, но свое, не социальная взаимность, но горделивое отчужденіе, не совмѣстная работа, но личный порывъ — таковы нѣкоторыя проявленія умственной абераціи на почвѣ душевной расшатанности.

Такому самовозвеличенію не слѣдуетъ придавать идеалистическаго значенія, значенія философскаго и моральнаго самосовершенствованія. Мы имѣемъ въ виду лишь тотъ примитивный субъективизмъ, который сводится къ грубому самовозвеличенію, взамѣнъ пониженныхъ здравыхъ интересовъ объективности и общности, интересовъ интеллекта и научнаго знанія.

Если въ искусствѣ и литературѣ начинаютъ преобладать декадентство, футуризмъ, а также всякія увлеченія мистическаго характера; если рядомъ съ этимъ появляются зловѣщіе признаки культа „оголеннаго нутра“ и раздаются ободряющіе вопли „дерзай!“, то, очевидно, мы имѣемъ передъ собою симптомы ненормальнаго развитія умственной жизни общежитія, но нѣкоторой его абераціи и искаженія. Въ этомъ же неразрывно проявляется ослабленіе высшихъ „регуляторно-задерживательныхъ“ функций, вслѣдствіе чего человѣкъ „съ легкимъ сердцемъ“ выбрасываетъ теперь за бортъ критеріи науки, права, морали, и призываетъ къ возврату —

къ первобытному естеству, къ живому анахронизму. Этотъ призывъ понятенъ, ибо сама аномалія заключается въ упрощеніи психики и жизни, въ социальномъ обезцѣненіи ея съ точки зрѣнія прогрессивной эволюціи жизни и человѣческаго духа.

Это упрощеніе жизни, ея строя и содержанія, конечно, диктуется инстинктивнымъ стремленіемъ облегчить себѣ ея тяготы, налагаемая правилами и интересами общежитія, стремленіемъ къ болѣе легкому достиженію земныхъ благъ и удовлетворенію своего самочувствія. Въ этомъ направленіи и идетъ „лінія наибольшей выгоды“; ей слѣпо слѣдуетъ „свободный“ человѣкъ, у котораго произошла глубокая диссоціація между интеллектомъ и мотиваціей поведенія. При такомъ состояніи такъ легко происходитъ извращеніе основныхъ понятій и побужденій, лежащихъ въ „программѣ“ поведенія и дѣятельности. Но вѣдь послѣднія происходятъ внутри общества, въ средѣ сочленовъ, учреждений; какимъ же образомъ можетъ быть разумно и плодотворно примѣненіе энергіи человѣка, если его внутренняя умственная диссоціація неизбѣжно проявитъ себя таковою же и въ его внѣшнихъ актахъ?

Достаточно однако уяснить себѣ эту *historia morbi*, ея анамнезъ, причины (этіологію) для того, чтобы поставить *благопріятный* прогнозъ.

Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь всякое противоестественное извращеніе, идущее „разсудку вопреки“ и наперекоръ законамъ прогрессивнаго развитія, уже въ самомъ себѣ носитъ зародышъ саморазложенія и самоуничтоженія. Никакимъ приспособленіемъ нельзя надолго спасти неестественное, искусственное, если оно противорѣчитъ закономерному ходу вещей. „Живая природа безжалостно устраняетъ и уничтожаетъ все противоестественное, защищая свои законы и свой стройный порядокъ боевыми цѣлебными силами, борьба съ которыми уже заранѣе обречена на поражение“. И если все таки, въ извѣстное время человѣкъ и все общество начинаетъ пре-

клоняться передъ своими фантазіями, суетвѣріями, своими настроеніями; если вмѣсто законовъ логики, здраваго смысла и науки, человѣкъ руководится причудами своихъ чувствованій и необузданнаго воображенія; если художественное творчество стремится не столько дать эстетическое наслажденіе и облечь идею въ соотвѣтственную форму, сколько оглушить человѣка, ошеломить его кричащею оригинальностью, поражающею новизной, необычными настроеніями, то, понятно, въ такихъ случаяхъ будущій врачъ-соціологъ безошибочно поставитъ діагнозъ: душевное утомленіе и временная недостаточность интеллекта.

Это состояніе тѣмъ болѣе опасно для соціальнаго здравія и благополучія, что только въ подобную эпоху могутъ возникнуть сомнѣнія въ высокой цѣнности такихъ непреложныхъ благъ человѣческой жизни, какъ добро и истина, просвѣщеніе и культура, наука и цивилизація, гуманность и самодѣятельность и т. д. Только въ эпоху умственного застоя и притупленія, могутъ подвергнуться искаженію нормальные критеріи для различенія добра и зла, истины и неправды, справедливости и безчеловѣчія.

При ослабленіи императивовъ интеллекта, при господствѣ влеченій и вообще интересовъ эгоизма, понятно, человѣкъ постепенно утрачиваетъ критеріи объективности; онъ уже не можетъ относиться по прежнему безпристрастно ни къ себѣ, ни къ окружающимъ. Самокритика слабѣетъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ понижается и уваженіе къ ближнему, къ его убѣжденіямъ, интересамъ. Тутъ нѣтъ „злой воли“, ибо такое состояніе есть простой результатъ ослабленія регуляторовъ интеллекта, разумной воли, руководимой правилами нормальной соціальности; это и выражается, между прочимъ, заглушеніемъ альтруистическихъ чувствованій, какъ антагонистовъ эгоизму.

Еще хуже положеніе тогда, когда къ психическимъ причинамъ присоединяются еще и внѣшніе мотивы, когда

колеблются правовыя, политическія, гражданскія соотношенія и тѣмъ ослабляютъ внутренніе устои личной жизни чело-вѣка, его мнѣнія, убѣжденія и стремленія, наконецъ, его чувство безопасности. Расшатанность, неустойчивость послѣд-няго инстинктивнаго чувства можетъ послужить источникомъ многихъ душевныхъ неурядицъ чело-вѣка, многихъ внутрен-нихъ коллизій и крайне вредно отразится на его пове-деніи и трудѣ. Чѣмъ слабѣе у него критеріи и регуляторы интеллекта, тѣмъ больше опасности заключаетъ въ себѣ постоянное чувство опасенія и необезпеченности.

Такимъ образомъ могутъ быть утрачены, конечно, временно, лучшіе плоды социальнаго воспитанія въ видѣ извѣстныхъ убѣжденій, навыковъ, усвоенныхъ правилъ обще-житія и т. д.

Въ эпоху умственной растерянности и расшатанности, утрачиваютъ свою обязательственную силу дѣйствующія си-стемы правовыхъ нормъ; они подвергаются искаженіямъ, метаморфозамъ, которыя прежде были бы невозможны, а теперь легко осуществляются, какъ будто атавистически возвращаются примитивныя нормы и критеріи. Если прежде активность права опиралась на мнѣнія, убѣжденія гражданъ, на ихъ интеллектъ, то теперь они замѣщаются чувствомъ страха, опасеніемъ жестокаго наказанія, т. е. тѣми крите-ріями поведенія, которые такъ характерны для дѣтскаго возраста, для первобытнаго общества, для слабоумныхъ. Но такъ какъ принудительная сила такихъ „житейскихъ авто-ритетовъ“, какъ обычай, право, законъ, общественное мнѣніе, зиждется на социальномъ общеніи, то понятно, при ослаб-леніи послѣдняго, понижается и ихъ авторитетность или по-велительная цѣнность. Если къ этому присоединить ослаб-леніе сознательно-волевыхъ регуляторовъ или „задержива-тельныхъ“ императивовъ интеллекта (см. выше), ослабленіе, столь характерное для господства эмоцій и темперамента, то станетъ понятнымъ, почему чело-вѣкъ такъ легко откло-

няется теперь отъ привычныхъ общихъ нормъ жизни и вступаетъ въ коллизію съ упомянутыми властными авторитетами. Въдь его воля, какъ обыкновенно признають, движается чувствами; а разъ регуляторы ослабѣли, дисциплина расшатана, голосъ разума раздается слабо, то ясно, что разнузданныя чувства и страсти безпрепятственно и вполнѣ овладѣвають „двигательною“ волею человѣка, его дѣйствіями, трудомъ, поведеніемъ и приводятъ ихъ въ то неустойчивое, колеблющееся, перемѣнное состояніе, которое столь характерно вообще для самихъ чувствованій и эмоцій, а стало быть, и для ихъ директивовъ.

Та внутренняя борьба между чувствомъ долга и личными желаніями и склонностями, которая при нормальномъ состояніи соціальной психики оканчивается побѣдой общественно-моральнаго принципа, теперь имѣетъ исходъ сомнительный или даже отрицательный: побѣждаетъ то, что болѣе удовлетворяетъ личнымъ интересамъ, а не общимъ, что диктуется эгоизмомъ, а не альтруизмомъ. Само собою понятно, что съ общей точки зрѣнія въ такой абераціи волевыхъ императивовъ заключается большая опасность для соціальности, которой она грозитъ разложеніемъ, диссоціаціей.

Нужно ли еще пояснять, что при указанномъ душевномъ состояніи *соціальная цѣнность* человѣка рѣзко понижается? Въдь его участіе въ созиданіи блага, настоящаго и будущаго, по существу на столько слабѣетъ, что такіе субъекты оказываются или пассивнымъ бременемъ, или даже активно анти-соціальными, поскольку они вступаютъ въ коллизію съ дѣйствующими предписаніями морали и права.

Съ извѣстной точки зрѣнія, дѣйствующіе право и законъ—эти чисто соціальные институты—можно разсматривать какъ нормы, устанавливающія для свободной дѣятельности согражданъ извѣстные районъ и границы, внутри которыхъ развиваемая энергія встрѣчаетъ минимумъ интрасо-

ціального столкновенія и потому даетъ максимумъ свободнаго движенія и полезной работы. Отсюда правосознаніе и является обязательнымъ элементомъ соціальной культуры и условіемъ для созиданія соціального разумнаго порядка. Правовыя и этическія нормы, въ указанномъ отношеніи, могутъ быть разсматриваемы какъ соціальныя детерминанты для свободы поведенія и труда. Пока они развиваются и дѣйствуютъ нормально, они обезпечиваютъ максимумъ цѣлесообразнаго использованія силъ человѣка, устраняя ихъ потерю на „внутреннее треніе“. Именно въ эту сторону обыкновенно и идетъ прогрессивное приспособленіе всякихъ динамическихъ системъ.

Изъ сказаннаго становится понятнымъ, какія тягостныя, вредныя послѣдствія могутъ проистекать въ тѣхъ случаяхъ, когда слабѣетъ и помрачается правосознаніе человѣка, когда утрачиваютъ свое активное вліяніе право и законъ, которымъ въ извѣстномъ смыслѣ присуще воспитательное значеніе для выработки общественной дисциплины.

Къ этому присоединяется еще несомнѣнный фактъ усиленія автоматическаго *подражанія* и *внушаемости*, такъ сказать, взаимной индукціи, въ тѣ моменты, когда слабѣетъ критическая мысль и самообладаніе, какъ это наблюдается у дѣтей, идіотовъ, психопатовъ. Но это вовсе не увеличиваетъ сознательной связности внутри общества, ибо прочность ея покоится на активномъ участіи, а не на пассивномъ, механическомъ сближеніи или подражаніи¹⁾.

Въ эпоху умственнаго застоя и ослабленія соціальной жизнеспособности, люди по стадному чувству усиленно стремятся подражать и слѣдовать всему тому, что овладѣ-

¹⁾ У истеричныхъ внушаемость и подражательность развиваются въ очень сильной формѣ, до настоящей „болѣзненности“; такъ напр. достаточно такому субъекту увидѣть, что кто либо спотыкается, падаетъ, какъ уже у него самого обнаруживается параличъ ногъ („функциональный психоневрозъ“), который исчезаетъ послѣ авторитетнаго внушенія врача или отъ душевнаго волненія.

васть ихъ вниманіемъ и настроеніемъ, ихъ чувствомъ и воображеніемъ. Пассивное, автоматическое подчиненіе внѣшнимъ, постороннимъ Ехо-стимуламъ становится теперь особенно рѣзко замѣтнымъ въ разныхъ областяхъ жизни; таковы мода, обычаи, условный этикетъ и правила приличія, мнѣнія, общественныя и литературныя теченія и т. д.; младшій старательно подражаетъ старшему, слабый — сильному, низшій — вышему... Психическая неустойчивость и заразительность повышаются, замѣчаются расшатанность и растерянность, легкая подчиняемость разнымъ суевѣріямъ, предрасудкамъ, символамъ, моднымъ вѣяніямъ, лицамъ, и это такъ часто дѣлается безъ всякой критики, неудержимо, по дѣтски. Люди начинаютъ довѣрять всякой нелѣпости, лишь бы она была произнесена авторитарно и настойчиво повторялась.

Психика оказывается теперь способной воспринимать внушаемая всякія необоснованныя положенія, мнѣнія, скоропѣлыя ассоціаціи идей, безъ всякой логической связи, даже нелѣпаго содержанія. Все это можетъ легко удерживаться въ головѣ, вызывать соответственныя эмоціи и тѣмъ вліять на трудъ, дѣйствія, на все поведеніе...

Пониженное самочувствіе и чувство собственной слабости, моральной и интеллектуальной, вызываютъ инстинктивно чувство беззащитности и опасливости, тягостныя эмоціи ожиданія и смущенія. Человѣкъ не довѣряетъ себѣ, своимъ силамъ, онъ не увѣренъ въ благополучномъ исходѣ даже мелкой борьбы, своихъ усилій и стремленій побороть препятствія, упрочить свое положеніе, обезпечить свою работу и достатокъ.

Неувѣренность въ своихъ силахъ для житейской борьбы, пониженіе чувства личной мощи вредно отражаются на всемъ строѣ жизни; человѣкъ это сознаетъ, какъ общее ослабленіе тонуса (напряженія) своей психической и двигательной энергіи. На этой почвѣ легко развивается тоскливое, мрач-

ное настроеніе, пессимизмъ, нравственное страданіе, потеря самообладанія, параличъ воли уже отъ малыхъ неудачъ.

Отсюда естественно въ немъ возникаетъ „животный страхъ“ за свою судьбу и онъ ищетъ какой либо внѣшней силы, опоры, на которую онъ могъ бы опереться. Какой цѣной онъ добудетъ эту защиту, какова она сама по себѣ — ему все равно, онъ не брезгливъ, ибо заговорилъ могучій инстинктъ самосохраненія, ослабѣло „чувство безопасности“. — Такую опору одни находятъ въ извѣстныхъ вѣрованіяхъ; для другихъ — достаточно той или иной доктрины; третьи ищутъ ее въ матеріальныхъ условіяхъ жизни или у „сильныхъ міра сего“ и т. д. Въ одномъ лишь они всѣ сходятся: „якорь спасенія“ они ищутъ внѣ себя — не только физическій, но и моральный...

Подобно свойствамъ утомленныхъ мускуловъ или мозга, весьма характерно для такого интеллектуальнаго состоянія то обстоятельство, вполне понятное съ точки зрѣнія физиологіи, что и отдѣльныя лица и все общество требуютъ теперь, для возбужденія энергіи, все *больше и больше сильныхъ „раздраженій“* (въ широкомъ смыслѣ слова). Слабыя воздѣйствія въ области обыденной жизни, художественнаго творчества, моды, развлеченій, литературы и т. д. которыя прежде останавливали на себѣ вниманіе и вызывали соотвѣтственную умственную и эмоціональную реакцію, теперь уже не возбуждаютъ никакого отклика; они слишкомъ слабы, „не интересны“. Притупленная, усталая психика требуетъ болѣе рѣзкихъ, кричащихъ диссонансовъ, болѣе оригинальныхъ, даже нелѣпыхъ новостей, фактовъ, доктринъ, ученій, которые сумѣли бы вызвать психическую реакцію возбужденія, а вмѣстѣ съ нимъ — и поднятіе самочувствія. То, что въ другое время, при нормальномъ состояніи соціальной психики, представляло бы интересъ аномаліи, уродства, искаженія нормы, то теперь принимается „въ серьезъ“ за объективно убѣдительную правду, за истину. — Все это — проявленіе

инстинктивныхъ побужденій, а не сознательно-интеллектуальныхъ; для самооправданія же у человѣка всегда имѣется обширный словарь звучныхъ выраженій и пышныхъ фразъ, которыя такъ удобны для прикрытія пустоты или аномалии содержанія...

Исканіе всяческихъ развлеченій и отвлеченій отъ собственнаго тяжелаго пониженнаго самочувствія, конечно, есть прежде всего инстинктивное приспособленіе или мѣропріятіе для *личнаго* успокоенія. Человѣкъ старается заглушить даже воспоминаніе о пережитомъ, о томъ, что вызвало потрясеніе и выбило изъ нормальной колеи жизни; онъ охотно отдается чему либо новому, иному—занятію, средѣ, интересу, заботамъ—лишь бы это было, дѣйствительно, новое. Старая рана заживаетъ постепенно, ничто не должно ее бередить—такъ требуетъ простой инстинктъ самосохраненія.— Вотъ это то исканіе чего либо новаго, могущаго захватить человѣка, и приводитъ его къ тому „шатанію“, къ той безпринципности, которая такъ характерна для человѣка, утратившаго почву интеллекта.

Отсюда—легкая, быстрая смѣна настроеній, даже отъ маловажныхъ причинъ; отсюда—чрезмѣрная подвижность чувствъ и эмоцій, легко направляемыхъ внѣшними вліяніями и внушеніями. Человѣкъ не можетъ долго заниматься однимъ и тѣмъ же, его вниманіе легко утомляется и онъ уже ищетъ чего либо новаго, „болѣе интереснаго“.

Такую же смѣну настроеній, увлеченій, направленій мы встрѣчаемъ и въ общественной жизни, въ социальномъ коллективѣ; тѣ же причины—тѣ же и слѣдствія; по существу разницы нѣтъ. Психологія толпы, при извѣстныхъ условіяхъ, повторяетъ лишь „душевныя“ явленія индивида, въ ихъ деградированномъ состояніи.

Настроеніе толпы можетъ „захватывать“ людей даже съ сильной волей, съ самостоятельною индивидуальностью, съ твердыми убѣжденіями, противорѣчащими психологіи

массы—разъ эти люди находятся среди возбужденной толпы, напр. во время скачекъ, спортивныхъ игръ, политическаго движенія и т. п. Мотивы и интересы толпы могутъ быть совершенно чужды индивиду, но все же подавляющее вліяніе окружающей массы оказывается сильнымъ. Вся психика человѣка въ толпѣ деградируетъ, становится примитивной, упрощенной (атавастическій анахронизмъ). Въ этомъ сказываются соціальныя инстинкты и чувства, по характеру тѣ же, которые заставляютъ „не разсуждая“ бросаться въ огонь и воду для спасенія погибающаго ближняго, жертвовать собою для него, грустить вмѣстѣ съ нимъ, улыбаться при его радости и веселіи... Сюда же относится и инстинктивное влеченіе *подражать* окружающимъ въ манерахъ, обычаяхъ, и модѣ, даже въ сукѣ (заразительность зѣванія!), въ веселіи, привычкахъ, жестахъ; не мало описано случаевъ коллективныхъ иллюзій и галлюцинацій.

Такая „психическая зараза“ можетъ, при временной слабости интеллекта или вообще при низкомъ умственномъ развитіи, принимать характеръ настоящей болѣзненности— „психической эпидеміи“. Такихъ примѣровъ имѣется очень много, въ особенности на религіозной почвѣ ¹⁾.

Для описываемаго ненормальнаго состоянія соціального коллектива имѣется еще одинъ характерный симптомъ, который мы лучше поймемъ, разъ будемъ исходить изъ фізіологическаго факта: если для работы такихъ органовъ, какъ сердце, мускулы появляется усиленное *внѣшнее препятствіе* (высокое давленіе крови отъ сжатія артерій, большая тяжесть), то оно вызываетъ *усиленное развитіе энергіи*, какъ цѣлесообразное функціональное приспособленіе, и это происходитъ внѣ участія воли и сознанія, даже безъ участія мозга (ср. стр. 20). Далѣе, если человѣку приходится рѣ-

¹⁾ Яркимъ примѣромъ служатъ, напр. „крестовый походъ дѣтей“ (въ 1212 г.), „эпидемія танцевъ“ въ средніе вѣка, въ 18-мъ в. и даже въ 19-мъ вѣкѣ (шогеотанія въ Абиссиніи, Лапландіи) и др.

шать тяжелую задачу, физическаго свойства или умственную, то онъ повышаетъ свои усилія пропорціоально трудности, т. е. препятствію. Эта соразмѣрность утрачивается лишь за предѣлами максимальныхъ усилій, когда задача оказывается, дѣйствительно, не посильной.

Вотъ этотъ-то критерій сразу обнаруживаетъ аномальное психическое состояніе индивида или всего общества, если тѣ задачи и препятствія считаются неразрѣшимыми и непреодолимыми, которыя еще недавно оказывались фактически вполне доступными силамъ человѣка. Ослабленіе интеллекта, его бодрости и активности, вызываетъ упадокъ сознательной воли и понижаетъ функціоальное энергетическое приспособленіе къ величинѣ встрѣчаемаго сопротивленія; оцѣнка послѣдняго становится невѣрною. вмѣсто того, чтобы повысить свои усилія, энергію и снова приняться за рѣшеніе задачи, за трудовую или иную работу, человѣкъ спѣшитъ впередъ уже признать ее непосильной и избавить себя отъ „излишняго“ напряженія силъ.

И здѣсь проявляется та *склонность къ преувеличеніямъ* которая вообще, характеризуетъ состояніе усталости, *интеллектуальнаго ослабленія* и которую мы встрѣчаемъ, между прочимъ, и въ требуемыхъ возбужденіяхъ, развлеченіяхъ, и въ оцѣнкѣ опасностей, предвидимыхъ или явныхъ, и въ рисуемыхъ образахъ воображенія, мечты, въ пессимистическихъ заключеніяхъ, въ оцѣнкѣ своихъ силъ и цѣнности своей жизни и т. д. Тѣ мелкія невзгоды, неудачи, непріятности, которыя при нормальномъ состояніи интеллектуальнаго критерія, не въ состояніи были нарушить равновѣсія и обычнаго поведенія и хода трудовыхъ занятій, теперь легко вызываютъ вредныя эмоціи, рѣзкіе порывы чувства, ибо вслѣдствіе слабости умственнаго регулятора ни человѣкъ, ни общество не въ состояніи задерживать импульсивныхъ проявленій возбуждаемаго чувства.

Очевидно, здѣсь происходитъ нарушение обще-физиологическаго закона нормальной соразмѣрности между „раздраженіемъ“ и вызываемой имъ реакціей (ощущеніемъ, движеніемъ и т. д.). Въ основѣ этого разстройства лежитъ та гиперестезія, то преобладаніе чрезмѣрно повышенной возбудимости чувственной сферы, для котораго лучшимъ противо-дѣйствиемъ можетъ служить, между прочимъ, усиленное трудовое занятіе, руководимое убѣдительными мотивами разума.

Одно изъ вредныхъ послѣдствій утонченной культуры и сводится къ чрезмѣрной изощренности чувственныхъ воспріятій и эмоціональныхъ движеній безъ достаточнаго противо-вѣса со стороны развитія трудовой энергіи. А вѣдь это — одно изъ главныхъ требованій психо-гигіены! При упрощенномъ образѣ жизни, при сознательномъ сосредоточеніи вниманія на своемъ трудѣ, человѣкъ постепенно освобождается отъ доминирующаго вліянія своихъ повышенныхъ чувствованій, ибо вслѣдствіе ихъ „неупражнения“ гиперестезія ослабѣваетъ (см. выше о рефрактарности) и внѣшнія воздѣйствія утрачиваютъ свое чрезмѣрно возбуждающее вліяніе.

Жизнь современнаго человѣка, ея сложныя соціальныя и культурныя условія, роковымъ образомъ повышаютъ его возбудимость и такъ легко приводятъ къ чрезмѣрной нервности („нервозности“), рядомъ съ иными вліяніями — физиологическими, наслѣдственными и др. Съ одной стороны вредно дѣйствуетъ уже обиліе всяческихъ повседневныхъ „раздраженій“ — событій, извѣстій, волненій и т. п.; этимъ повышается раздражимость мозга и ослабляются регуляторы, его задерживательныя функціи; съ другой стороны самое содержаніе получаемыхъ нами воспріятій и впечатлѣній, по своему характеру и смыслу, въ громадномъ большинствѣ случаевъ способно скорѣе повысить напряженное состояніе психики, чѣмъ содѣйствовать ея равновѣсію, умиротворенію. И это относится къ многоразличнымъ сторонамъ жизни — бытовой, правой, политической, художественной, литературной и др.

Все это сопряжено съ душевными волненіями, требуетъ усиленнаго напряженія ума, дѣлаетъ самую жизнь болѣе трудной, тернистой; у цивилизованнаго человѣка увеличиваются аппетиты и потребности, усложняются его стремленія и интересы, а жизнь становится труднѣе, заботы—тягостнѣе, средства—недостаточными... Всѣ суетятся, спѣшатъ, кто отстаетъ—терпитъ нужду, теряетъ равновѣсіе, падаетъ...

Само собою понятно, что всѣ эти отрицательныя стороны „цивилизации“ сильнѣе всего отражаются на тѣхъ, кто стоитъ въ самомъ водоворотѣ жизни—на всякаго рода „дѣльцахъ“, политикахъ, писателяхъ и др., среди которыхъ такъ часто встрѣчается нейрастенія, какъ роковое слѣдствіе переутомленія, неправильной жизни съ ея заботами, страстями и волненіями.

Напрасно культурный человѣкъ надѣется, что такая суетная жизнь выработаетъ въ немъ защитныя „анти-свойства“, закалитъ его; въ этомъ направленіи онъ не приобрѣтетъ иммунитета противъ психической заразы и мозгового истощенія! Единственный путь къ оздоровленію это—упростить слишкомъ перегруженную жизнь и тѣмъ дать отдыхъ психикѣ ради реституціи ея силъ и равновѣсія. Къ этому инстинктивно стремится цивилизованный человѣкъ, разгружая себя на время и убѣгая отъ культурной городской жизни!

Само собою понятно, что все же нашъ мозгъ функціонально приспособляется къ требованіямъ нашей жизни, какъ приспособляются сердце, мускулы; но повидимому, этотъ процессъ совершается гораздо медленнѣе, несоотвѣтственно слишкомъ быстрому темпу осложненной культурной жизни.

Вернемся однако къ дальнѣйшему изученію соціальнаго недуга.

И общество и его сочлены начинаютъ отличаться легковѣріемъ, подвижностью настроеній; усиливается фетишизмъ во всѣхъ его видахъ и проявленіяхъ, начиная отъ грубаго

житейскаго идолопоклонства и кончая утонченными формами эстетическихъ и мистическихъ фантазмовъ. Капризные, своевольныя настроенія, склонность къ преувеличеніямъ, ослабленіе здоровой критики—все это дополняетъ ту же картину умственной расшатанности и пониженія духовной энергіи, о которой отчасти было уже сказано выше.

Все это легко ведетъ къ искаженію основныхъ принциповъ жизни, къ порчѣ, огрубенію нравовъ, къ пренебреженію лучшими благами жизни и даже самой жизнью. Пониженіе волевой энергіи, какъ *соціальная abulia* выражается ослабленіемъ активныхъ умственныхъ интересовъ и общественной инициативы и самодѣтельности; люди уstraняются отъ общаго дѣла, замыкаются, слѣдуя слѣпому инстинкту самосохраненія. Временныя невзгоды, неудачи, лишенія заставляютъ уже опуститься руки; для борьбы не хватаетъ душевной бодрости; разочарованіе и апатія заглушаютъ всякое воодушевленіе; высшія стремленія къ добру и истинѣ, къ правдѣ и свободѣ уступаютъ мѣсто равнодушію, пессимизму.

Было-бы неправильно, если бы, рядомъ съ указаніемъ на параллелизмъ интеллектуальнаго недуга у отдѣльнаго человѣка и въ общественномъ организмѣ, мы обошли бы вопросъ о прогнозѣ, объ исходѣ такого состоянія (стр. 53). И здѣсь мы вправѣ указать на такой же параллелизмъ: какъ въ жизни индивида проявляются „цѣлительныя силы природы“ (*vis medicatrix naturae*) въ видѣ процессовъ, стремящихся возстановить нарушенное нормальное равновѣсіе и безъ всякой внѣшней посторонней помощи, такъ точно и въ социальномъ организмѣ, въ психикѣ его сочленовъ, накапливается достаточно резервныхъ силъ для того, чтобы побороть временную гегемонію настроеній, чувствованій, длительныхъ эмоцій и возстановить нормальный ходъ интеллектуальной жизни.

Главенство эмотивнаго начала можетъ явиться и раз-
 ростись въ видѣ огромнаго подъема или обратно — упадка;
 такая *психическая волна* можетъ быть очень высокой, но
 продолжительной она не можетъ быть. Если волна пошла
 въ гору, то она скоро истощитъ психическія силы и не
 только дѣйствующія, но и всѣ запасныя; послѣ этого обя-
 зательно наступаетъ о трицательное „послѣ-дѣйствіе“ — сим-
 томы истощенія, о которыхъ отчасти мы говорили выше.
 Въ томъ то и заключается, между прочимъ, великая заслуга
 интеллекта, что онъ экономно, бережно относится къ пси-
 хическимъ силамъ и защищаетъ ихъ отъ бурной затраты
 на чувства и страсти. Разумъ человѣка, хотя бы и въ видѣ
 простаго „здраваго смысла“, опирающагося на житейскій
 опытъ, является истиннымъ регуляторомъ для затратъ
 душевной энергіи и для поддержанія внутренняго равно-
 вѣсія. Разъ этотъ сдерживающій регуляторъ ослабѣлъ или
 преодолѣнъ чувственнымъ насиліемъ, то понятно не только
 наступитъ чрезмѣрное израсходованіе психическихъ силъ, но
 и самыя дѣйствія человѣка, его трудъ и поведеніе, будутъ
 отличаться чрезмѣрною тратой физическихъ силъ, излиш-
 ними безцѣльными движеніями, координація которыхъ легко
 можетъ нарушиться. Высокая впечатлительность и гипер-
 стезія чувства вызовутъ чрезмѣрно повышенную отзывчи-
 вость, которая и представляетъ собою опасность истощенія
 запасныхъ силъ.

Теперь перейдемъ ко второму случаю. Допустимъ, что
 по той или иной причинѣ огромная эмотивная волна охва-
 тила человѣка или общество сразу, какъ отрицательная, въ
 видѣ упадка, угнетенія всего психическаго уклада. Симптомы
 такія же, какъ и вышеупомянутаго „послѣ-дѣйствія“; о нихъ
 было много сказано уже раньше. Можетъ ли такое состояніе
 продолжаться долго или даже остаться постояннымъ? Ко-
 нечно, нѣтъ, ибо пока разстройство остается только функці-
 ональнымъ, пока нѣтъ *глубокаго органическаго* пораженія

въ индивидуальномъ тѣлѣ или въ социальномъ, до тѣхъ поръ всегда имѣются собственныя внутреннія условія для возстановленія нормальнаго равновѣсія. „Цѣлительныя“, репаратурныя силы организма очень велики! Но тамъ, гдѣ поражены его составъ и строеніе, гдѣ дряхлость или длительная расшатанность и неуравновѣшенность нанесли непоправимый вредъ этимъ „резервнымъ“ силамъ, тамъ прогнозъ становится уже „сомнительнымъ“.

Мы подходимъ къ концу нашей бесѣды.

Я старался, хотя бы и въ отрывочныхъ очеркахъ, показать Вамъ—насколько параллельны и однородны многія явленія, наблюдаемыя въ жизни организмовъ, индивидуальнаго и общественнаго; насколько къ послѣдней приложимы закономерныя схемы физиологіи личной жизни. Здѣсь не мѣсто доказывать правильность или условность термина „социальной организмъ“; но во всякомъ случаѣ, по моему глубокому убѣжденію, генетическая связь обоихъ рядовъ явленій доказываетъ и *единство основныхъ законовъ*, ими управляющихъ. Если въ одномъ изъ нихъ порядокъ процессовъ и структуры оказывается высшимъ, то это нисколько не противорѣчитъ психо-біологической общности жизни индивида и коллектива.

Съ другой стороны, конечно, было бы ошибкой разсматривать оба ряда явленій, какъ простые концентры; соотношенія между ними болѣе сложныя. Какъ химическіе элементы соединяясь даютъ совершенно новыя сложныя вещества съ совершенно иными свойствами, такъ и сближеніе индивидовъ создаетъ новую жизнь и по структурѣ, и по формѣ, и по явленіямъ. Но наука, зная элементы, впередъ предсказываетъ свойства и формы ихъ столь разнородныхъ химическихъ комплексовъ. Къ тому же должна стремиться и социологія, чтобы, зная психическія и физиологическія свойства

сочленовъ и законы индивидуальной жизни, сумѣть понять явленія общежитія, найти ихъ существенную, органическую закономѣрность, а не только формальную и, наконецъ, сумѣть предвидѣть дальнѣйшій ходъ развитія живой природы и въ этомъ ряду ея явленій.

Въ періодъ умственного застоя человѣкъ лишаетъ себя возможности не только ясно понимать свое настоящее, но и предвидѣть будущее, т. е. роковыя послѣдствія настоящихъ условій и событій. Никакія „предчувствія“, исходяція изъ чувственныхъ и эмоціональныхъ актовъ, не въ состояніи замѣнить собой той прозорливости, предусмотрительности, которая такъ характеризуетъ человѣческій разумъ, опирающійся на знанія, факты и логику. Подавленное состояніе интеллекта, лишаящее человѣка предвидѣнія, дѣлаетъ его рабомъ настоящаго, понижаетъ его активность, обезсиливаетъ, лишаетъ инициативы; его умственный взоръ, ослѣпленный чувствами и эмоціями, не въ состояніи проникнуть даже въ ближайшее будущее.

Совершенно аналогичные симптомы наблюдаются и въ коллективной жизни въ эпохи интеллектуальнаго декаданса: ослабленіе общественной инициативы, какъ залога будущей творческой дѣятельности; слѣпое влеченіе согласно минутнымъ интересамъ и внушеніямъ; подчиненіе смѣняющимся настроеніямъ и переживаемымъ событіямъ, не заглядывая въ будущее, не имѣя силы воли и моральнаго императива для противодѣйствія возбужденнымъ чувствамъ и эмоціямъ; упоеніе радостями минуты ради личнаго благополучія и рядомъ съ этимъ—неумѣніе и неохота заглянуть дальше впередъ. Чувство нравственной свободы притуплено, ибо разумные императивы личнаго „я“ не въ состояніи преодолѣть направляющихъ вліяній окружающей среды, событій, мятежныхъ страстей.

Человѣкъ и общество, подъ тѣмъ или инымъ предлогомъ—въ словахъ вѣдь недостатка никогда не бываетъ!—откла-

дывають осуществленіе своихъ прежнихъ завѣтныхъ желаній, лишь бы избавиться отъ необходимости напрягать свою энергію, дѣлать усилія, преодолевать преграды. Онъ легко отказывается отъ прежнихъ идеаловъ и стремленій, ибо они требуютъ дисциплины, строгаго, серьезнаго къ себѣ отношенія, они постоянно заставляютъ стремиться къ ихъ осуществленію — а все это, вѣдь, непосильная задача для духовно ослабѣвшаго человѣка; все это трудно для него, ибо требуетъ усилія, умственной и моральной энергіи; да оно и „скучно“ терзаться за будущее, когда можно наслаждаться въ настоящемъ... Боязнь и нежеланіе заглядывать въ будущее избавляетъ его отъ всякихъ сомнѣній и угрызений совѣсти; а вѣдь это только и нужно, чтобы безмятежно и въ довольствѣ прожить настоящую минуту.

Какая противоположность нормальному строю интеллектуальной жизни!

Просвѣщенный умъ, жертвуя, если надо, интересами настоящей минуты, преодолевая инстинктивное противодѣйствіе нашихъ чувствъ и эмоцій, работаетъ во имя предвидѣнія, ради болѣе важной задачи—онъ готовится благо и успѣхи для лучшаго будущаго. Даже среди инстинктовъ у животныхъ мы считаемъ высшими тѣ, которые пробуждаются и работаютъ ради интересовъ не настоящей минуты (питанія, самосохраненія и т. д.), но будущаго, напр. ради потомства (родительскій инстинктъ, заблаговременное устройство гнѣзда, логовища и т. п.).

Намъ слышится, однако, возраженіе: къ чему всѣ эти разсужденія? Что можетъ дать наука для увеличенія „истиннаго блага“ жизни? Найдеть ли человѣкъ въ научномъ знаніи то духовное удовлетвореніе, то умиротвореніе, безъ котораго вся наша культура ему представляется столь призрачной и даже безцѣльной?..

Если въ оцѣнкѣ жизни, ея формы и содержанія, мы будемъ исходить изъ нашихъ чувствъ и эмоцій, изъ влеченій и настроеній, то задача благой жизни рѣшается легко: наши чувства непритязательны, они вѣдь тѣ же по существу, какими были тысячи лѣтъ тому назадъ; успокоить ихъ, умиротворить — нетрудно; вѣдь они такъ часто сами по себѣ удовлетворяются даже только видимостью, только одной иллюзіей; чувства не знаютъ будущаго, они довольствуются настоящимъ.

Но не въ этомъ же умиротвореніи нашего самочувствія заключается „правда“ жизни, не въ этомъ же — и ея благо. Истина, какъ познаніе дѣйствительности, ея смыслъ и значеніе для человѣка не обнаруживаются никакими чувствованіями, ни эмоціями. Только разумъ, вооруженный научнымъ знаніемъ и методомъ, можетъ раскрыть объективную истину въ ея реальномъ проявленіи. А развѣ для сознательнаго человѣка возможно благо безъ этой истины?... Пусть научный рационализмъ будетъ сухъ и холоденъ; пусть онъ будетъ безсиленъ для рѣшеній вопросовъ о цѣли міра, о смыслѣ человѣческой жизни, о ея цѣнности, о вѣрныхъ путяхъ къ счастью... Пусть такъ! Но не забудемъ же, что по мѣрѣ совершенствованія человѣческой природы, жизненный примать, главенство, отъ чувства и характера переходитъ неизбежно къ разуму, въ силу естественнаго закона развитія. Онъ будетъ ставить основные вопросы и задачи; онъ же и будетъ разрѣшать ихъ, а не чувства, настроенія и не фантазія, какъ это угодно современному человѣку или какъ это было у нашихъ предковъ.

Роковое стремленіе человѣка идти впередъ, искать лучшаго и высшаго, диктуется вовсе не его волею и помыслами; это — неизбежный результатъ органической причины — роста и развитія мозга и интеллекта, причины, лежащей

внѣ воли человѣка и составляющей лишь одно изъ проявленій общаго закона живой природы.

Какъ упрочиваются наши мускульныя движенія, наибобѣе удовлетворяющія нашимъ цѣлямъ и потребностямъ и тѣмъ самымъ подвергающіяся дальнѣйшему развитію и изощренію, такъ точно прогрессируетъ и нашъ интеллектъ по мѣрѣ того, какъ укрѣпляется его сила ясностью и вѣрностью сужденій о причинахъ, дѣйствіяхъ, отношеніяхъ внутри и внѣ насъ. Эта ясность, подкрѣпляемая постоянными фактическими подтвержденіями вѣрности и пользы сужденій и знаній, упрочивается въ сознаніи человѣка и становится для него настолько же необходимой въ сферѣ душевной, насколько необходима ясность зрительныхъ воспріятій для ориентированія въ пространствѣ. Она придаетъ увѣренность дѣйствіямъ, движеніямъ, она устраняетъ опасеніе и страхъ передъ невѣдомыми вредными условіями и объектами, она—говоря проще—освѣщаетъ путь.

Теперь становится понятнымъ нашъ невольный инстинктивный страхъ вслѣдствіе незнанія, неизвѣстности, сомнѣнія; становится понятною причина того мучительнаго чувства, которое испытываетъ человѣкъ, не могущій разрѣшить важной для него задачи, вопроса, когда онъ не въ состояніи чего либо понять, себѣ уяснить или предвидѣть. Въ этомъ сказывается, великая мощь интеллекта и его значеніе для жизни.

На всемъ пути жизни и отдѣльнаго лица и всего человѣчества мы встрѣчаемъ стремленіе къ правдѣ и справедливости, исканіе истины и высшаго блага; въ однихъ случаяхъ активирующія побужденія исходятъ изъ фактовъ и условій реальной жизни, въ другихъ они возникаютъ изъ потребностей самого интеллекта, въ третьихъ ихъ мотивами могутъ быть неясныя напряженныя чувствованія и эмоціи, ищущія инстинктивно своего разрѣшенія, „успокоенія“.

Въ нашу задачу не входить изслѣдованіе идеальной стороны таковыхъ стремленій и исканій, но нельзя не высказать возможности и такого предположенія: нашъ интеллектъ, столь тщательно регистрирующій своими „эн-граммами“ всѣ факты нашей жизни и воспріятій, даже внѣ нашей воли и сознанія, давно уже подмѣтилъ, что „жизнь по правдѣ и истинѣ“, по праву и закону представляетъ въ большинствѣ случаевъ — выражаясь грубо утилитаристически — наибольшую выгоду, а отсюда и наибольшую цѣнность, — въ смыслѣ большей гарантіи спокойствія, устойчиваго равновѣсія, скорѣйшаго достиженія правильныхъ цѣлей, болѣе экономной траты энергіи, силъ „ума и сердца“, большаго соціального благополучія...

Это убѣжденіе настолько обосновалось и упрочилось въ психикѣ, индивидуальной и соціальной, что оно перешло уже въ область инстинктивныхъ мотиваций и побужденій и уже вовсе не требуетъ никакихъ фактическихъ и логическихъ обоснованій; оно сдѣлалось само—очевидностью.

Само собою понятно, что такая психо-физиологическая сторона нисколько не противорѣчитъ и не исключаетъ идеальныхъ обоснованій столь могучаго, непреборимаго стремленія человѣка и всего общества къ истинѣ и справедливости, не умаляетъ цѣнности нравственного сознанія и универсальности морального закона.

Но все же культъ права и справедливости, правды и человѣчности получаетъ для сознательнаго человѣка наиболѣе цѣнности только на почвѣ просвѣщеннаго ума, который усваиваетъ опредѣленные законы общежитія, принимаетъ ихъ не „на вѣру“, пассивно, но понимая весь смыслъ и значеніе этихъ соціальныхъ цѣнностей, и тѣмъ повышая ихъ энергетическую цѣнность для настоящаго и для поступательнаго движенія впередъ.

Развитіе и совершенствованіе въ области интеллекта, познанія и мышленія, отражается благотворно и на другихъ

идеальныхъ формахъ сознанія—и на идеяхъ эстетической гармоничности и моральной цѣлесообразности. Въ тѣ эпохи, когда реальныя условія жизни вызываютъ приниженіе интеллекта, угнетаютъ научное развитіе, обезцѣниваютъ умственныя блага духовной культуры, тогда и въ области эстетики, художественнаго творчества и пониманія, принижаются чувство возвышеннаго и критеріи истиннаго художественнаго наслажденія.

Здравое міросозерцаніе возможно лишь какъ продуктъ дѣятельности интеллекта, вооруженнаго научнымъ знаніемъ и объективнымъ методомъ; въ житейской „суетѣ суетъ“, въ вѣчной борьбѣ теченій общественной мысли и чувства, въ постоянной смѣнѣ настроеній и интересовъ, человѣкъ нуждается въ правильной, стойкой путеводной звѣздѣ, которая сумѣла бы провести его, безъ растраты энергіи и душевной бодрости, среди житейскихъ волнъ и чарующихъ иллюзій. Только свѣтъ разума можетъ разсѣять хаотическую тьму и дать ту ясность познанія, къ которой такъ безотчетно и сильно стремится человѣкъ во всѣхъ его „искательствахъ“. Никакія „глубокомысленныя“ и велерѣчивыя словесныя изліянія не дадутъ истиннаго удовлетворенія мятущемуся духу человѣка, если они не будутъ согласованы съ дѣйствительностью, съ реальнымъ содержаніемъ явленій живой природы.

Трудно себѣ представить, чтобы искреннее стремленіе къ ясному правильному міропониманію, во всемъ его объемѣ, нашло бы успокоеніе въ тѣхъ метафизическихъ, моральныхъ отвлеченныхъ представленіяхъ и формулахъ, которыя полностью представляютъ собою продукты творчества человѣческихъ измышленій и воображенія.

Вся исторія умственнаго развитія человѣка представляетъ постепенное накопленіе духовнаго богатства въ видѣ реальныхъ знаній всей окружающей дѣйствительности и

постепенное же освобожденіе ихъ отъ всего того, что принадлежитъ области чувства, воображенія и метафизики. Эти знанія становятся все болѣе точными и объективными и потому дѣлаются достояніемъ безстрастной науки, чуждой субъективизму съ его страстями и волненіями, съ его склонностью къ образамъ и навыкамъ искусства, къ цѣлесообразнымъ предначертаніямъ и конечнымъ цѣлямъ этики.

Тамъ, гдѣ дѣло идетъ о моральной оцѣнкѣ дѣйствительности, тамъ экспертиза науки не нужна, да она и не можетъ ее дать, ибо такая „оцѣнка“ лежитъ внѣ ея компетенціи; она не обладаетъ для нея ни критеріями, ни мѣриломъ.

Но за то наука, съ ея фактическими и логическими обоснованіями, не знаетъ той предубѣжденности, пристрастія или нетерпимости, которыя являются естественными слѣдствіями субъективизма въ области этики, соціальной философіи, метафизики, искусства, эстетической оцѣнки.

Истиннымъ духовнымъ богатствомъ человѣка можетъ быть только то, что провѣрено и упрочено его яснымъ сознаніемъ, логикою мышленія, научнымъ методомъ; отсюда и проистекаетъ убѣдительность и обязательная пріемлемость такого познавательнаго достоянія. Только такой „интеллектуализмъ“ можетъ составить прочное основаніе для построенія лучшаго будущаго.

Въ этой именно увѣренности и заключается источникъ той непреодолимой энергіи и бодрости, которыя такъ отличаютъ умственную дѣятельность и такъ возвышаютъ ее надъ чувствами, эмоціями и стремленіями низшаго порядка, надъ мечтой и фантазіей. Изъ области матеріальныхъ интересовъ и чувственныхъ побужденій, „центръ тяжести жизни“ неизбѣжно поднимается все выше, въ область интеллекта; этимъ же путемъ перемѣщается и точка приложенія силы воли, энергіи и творчества; туда же вверхъ, въ область

чистаго познанія, въ сферу идеальныхъ исканій передви-
гается и смыслъ жизни и ея цѣнность... Только тамъ, въ
царствѣ просвѣщеннаго разума будутъ выяснены вѣковѣчные
вопросы жизни и всей природы, только тамъ дана будетъ
правильная ихъ формула и рѣшеніе...

Дажилевскій, В. Я., проф.:

Душа и природа. 2-е издание, 1897 г.—ц. 1 руб.

**Единство гипнотизма у человекѣка и живот-
ныхъ.** 1891 г.—ц. 30 коп.

**Этюды по физиологiи личной и соціальной
жизни I. Чувство и Жизнь.** 1910 г.—ц. 50 коп.

Физиологiя человекѣка. Томъ I-й, 1913 г.—ц. 4 руб.
(II-й томъ поступитъ въ продажу въ 1914 г.).

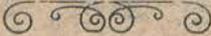
Готовятся къ печати:

1. Очерки изъ физиологическаго Введенiя въ Соціо-
логiю.

2. Физиологическiй законъ развитiя ума и воли.

 Цѣна 50 коп.

4-5

2010515230